

Дискурсы этики. 2024, 3–4(23–24): 27—76

ISSN 2311-570X (online)

Постоянная ссылка:

http://theoreticalappliedethics.org/wp-content/uploads/2025/03/DE2024_3-4_23-24_27-76.pdf

УДК 17

БИОВЛАСТЬ, БИОПОЛИТИКА, БИОЭТИКА:
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНТЕРЕС (RAISON D'ÉTAT)
И ИНТЕРЕСЫ ЧЕЛОВЕКА В ФИЛОСОФИИ М. ФУКО

Меттини Э., Вигель Н. Л.

статья:

поступила в редакцию 28.08.2024

принята к публикации 25.09.2024

опубликована (онлайн) 28.02.2025, с исправлениями 27.03.2025

© Меттини Эмилиано

к.пед.н., заведующий кафедрой гуманитарных наук

Института мировой медицины Российского национального исследовательского

медицинского университета им. Н.И. Пирогова Минздрава России, Москва, Россия

адрес для корреспонденции: emiliano@inbox.ru

© Вигель Нарине Липаритовна

д.филос.н., заведующий кафедрой философии

с курсом биоэтики и духовных основ медицинской деятельности

Ростовского государственного медицинского университета, Ростов-на-Дону, Россия

адрес для корреспонденции: 22nara@mail.ru

Эта статья доступна в соответствии с условиями лицензии Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License (CC BY-NC 4.0)

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о биовласти и биополитике как последствия постепенного становления, формирования и развития национального государства. Авторы считают, что основные и отличительные черты такого политического образования (формирование определённой, чётко разграниченной с остальными, государственной

территории, появление государственных идеологий, централизация аппарата управления, монополизация насилия и др.) скрывают в зародыше все составляющие тех явлений, которые в научном обороте идут под названием «биовласть». Данные понятия можно как отнести к представлению общества, как телу самого суверена — абсолютного монарха, так и к желанию человека эпохи Возрождения и раннего Нового времени превращать контроль над природой в контроль над человеком для благополучия всего населения, навязывая ему свои собственные, т.е. государственные, интересы. Проведенный авторами анализ философии М. Фуко позволяет выделить, что в современном обществе ядро биовласти переросло в биополитику и в своеобразную биоэтику, продвигающие общественный дискурс в виде «общественного мнения», представляющего собой форму государственных интересов, не имеющих ни малейшего отношения к реальным интересам человека, все больше теряющего собственное онтологическое измерение.

Ключевые слова: биовласть, биополитика, биоэтика, М. Фуко, надзор, контроль, интегральный подход, онтология.

Discourses of Ethics. 2024, 3–4(23–24): 27—76

ISSN 2311-570X (online)

permanent link:

http://theoreticalappliedethics.org/wp-content/uploads/2025/03/DE2024_3-4_23-24_27-76.pdf

BIOPOWER, BIOPOLITICS, BIOETHICS:
STATE INTEREST (RAISON D'ÉTAT)
AND HUMAN INTEREST IN M. FOUCAULT'S PHILOSOPHY

Mettini Emiliano, Wiegel Narine

received 28.08.2024

accepted 25.09.2024

published (online) 28.02.2025, as corrected 27.03.2025

© Emiliano Mettini

Ph.D. in Pedagogy, Head of the Department of Humanities of the International Medical School,
Pirogov Russian National Research Medical University of the Ministry of Health of Russia,
Moscow, Russia

Correspondence to: emiliano@inbox.ru

© Narine L. Wiegel

Doctor of Science in Philosophy, Head of Department of Philosophy
with a Course in Bioethics and Spiritual Foundations of Medical Activity
Rostov State Medical University, Rostov-on-Don, Russia

Correspondence to: 22hara@mail.ru

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License (CC BY-NC 4.0)

Abstract. The article deals with the issue of biopower and biopolitics as a consequence of the gradual formation, formation and development of the nation-state. The authors believe that the main and distinctive features of such political formation (the formation of a certain, clearly delimited with the rest, state territory, the emergence of state ideologies, centralisation of the apparatus of government, monopolisation of violence, etc.) are hidden in the germ of all the components of those phenomena, which in scientific circulation go

under the name of 'biopower' These concepts can be attributed both to the representation of society as the body of the sovereign itself — the absolute monarch, and to the desire of the man of the renaissance and early new century. The authors' analysis of M. Foucault's philosophy allows us to point out that in modern society the core of biopower has developed into biopolitics and a kind of bioethics, promoting public discourse in the form of "public opinion", which is a form of state interests that have not the slightest relation to the real interests of man, increasingly losing its own ontological dimension.

Keywords: Biopower, Biopolitics, Bioethics, M. Foucault, Surveillance, Control, Integral Approach, Ontology.

Изучение биовласти и биополитики представляет собой важный шаг в понимании современных социокультурных процессов с позиций постмодернистских и метамодернистских философских подходов к проблеме власти. Главной целью настоящего исследования является углубленный анализ понятий «власть», «политика» и «этика», дополняемых префиксом «био», и их влияние на формирование государственных интересов. Опираясь на данные предпосылки, с одной стороны, мы проводим ретроспективный анализ о возникновении «биовласти», со всеми отсюда вытекающими последствиями, а с другой стороны, через понятийно-категориальный аппарат французского философа М. Фуко (1926–1984), рассмотрим биополитику и биоэтику как основные элементы современного общества. Изучение данной темы и применение этого исследовательского метода нам кажутся весьма актуальным, в том числе, чтобы исследовать пандемический период, когда биополитика и общественное мнение принимали принципиально противоположные позиции.

Проявление биовласти как социального, философского, и духовного феномена связано с двумя многовековыми событиями, глубоко изменившими европейскую цивилизацию. Первое — это формирование национального государства, которое длилось с периода сословной системы до абсолютизма. Этот процесс происходит через централизацию власти, формирование государственных идеологий и монополизацию насилия. В ряде работ, таких как «Левиафан» Т. Гоббса [11], концепт «общественного тела» активно исследуется. Важно заметить, что мудрость правителя рассматривалась как в онтологическом, так и метафизическом планах, где он выступал как «помазанник Бога», соединяя в себе человеческие и божественные аспекты. Тело и телесность власти [22] суть неотъемлемая часть размышления мыслителей и философов. Стоит напомнить такие труды, как «Монархия» Д. Алигьери [4], или исследу-

Меттини Э., Вигель Н. Л.
Биовласть, биополитика, биоэтика:
Государственный интерес (Raison d'État)
и интересы человека в философии М. Фуко

дования, ставшие уже классикой, Э. Канторовича [15], в которых корпоративизм¹ Средневековья, как форма понимания правления обществом и государством, ясен и очевиден. В трактате Нормандского Анонима, тщательно исследуемом Э. Канторовичем, Аноним указывает на короля как на «*persona mixta*» («смешанная персона») — единой в двух лицах. Король — не мирянин и не священник, но, будучи помазанным Богом (*Christus*), он приобретает статус «Христа во времени», становится подобным ему по природе и по благодати, приобретает духовные привилегии [15, с.42]. Человеческая и божественная природы, которые воплощаются в фигуре короля, позволяют «ему действовать в качестве фактора духовного “оздоровления” и “процветания” человечества» [23, с.27]. Король является соучастником божьей благодати и получает право назначать епископов и других духовных лиц, а также способность лечить народ от недугов² [7], что укрепило сакральность правителей в качестве наместников Бога.

Наряду с процессом сакрализации власти происходил процесс «расколдовывания мира», предложенный М. Вебером, который стал основой

¹ Корпоративизм (от лат. *corpus* — тело; иногда встречается корпоратизм — калька с англ. *corporatism*) — идеология, согласно которой элементарными ячейками общества являются определённые социальные группы, а не отдельные лица.

² В этот период в руках королей врачевание и медицина (в широком смысле этого понятия) приобретают особое значение для их превращения в «богочеловека» помазанием. В свете этого становится понятным, что формулировка «*Le Roi te touche, Dieu te guérit*» («Король касается тебя, Господь излечивает тебя»), используемая королями-тавматургами как в Англии, так и во Франции для лечения золотухи, обобщает видение королевской власти как выражения Божьей благодати и, одновременно, отождествляет короля с Христом — врачом-врачевателем. Так, например, в своём труде «История английских королей» английский монах-бenedиктинец Вильям Мальмсберийский указывает, что практика «лечения» туберкулёзного шейного лимфаденита берёт своё начало от английского короля Эдуарда Исповедника (это заболевание стали называть «королевской болезнью»). Отношение народа к власти с особым пиететом способствовало закреплению «божественного» права королей и формированию расхожего мнения о «чистоте» королевской крови, что в итоге приняло парадоксальный характер: так, при казни Карла I толпа кинулась к эшафоту с целью пропитать платки кровью, поскольку считалось, что кровь казнённого может творить чудеса, а кровь королевской особы — тем паче.

современности, по мнению Р. Дженкинса. Значимо то, что «Расколдовывание» не ослабило власть как таковую, и, тем более ее видение как мистического тела. Наоборот, данный процесс усиливал власть, поскольку превратил мир в предсказуемую и управляемую систему, под которой подразумеваются постоянная секуляризация и демифологизация общественной жизни. «Расколдовывание мира» — это то, что М. Вебер называет «современностью» [52, с.13], представляющей собой «в учении Вебера ключевое понятие самобытности и значимости западной культуры»³ [56, с.228] потому, что «в расколдованном мире, все становится понятным и послушным <...>. С одной стороны, появляются секуляризация и упадок магии, а, с другой стороны, растут масштабы, размах и власть формальных средств, рациональности науки, бюрократии, права и формирования политики» [53, с.12]. В связи с этим, обращаем пристальное внимание на то, что дихотомия между властью и «современностью» только кажущаяся, поскольку «расколдовывание» и/или «рационализация»⁴ природы предоставили власти те рычаги влияния, через которые «мир стал предсказуемым и манипулируемым людьми, завоеван и включен в интерпретивную схему науки и рационального управления» [53, там же]. На наш взгляд, именно в их основе лежат совершенно иные взаимоотношения между миром (окружающей средой), властью, обществом и населением, которые можно встречать и в современном обществе.

События, на которые мы указывали, органично вписываются в процесс возникновения современного государства. Как справедливо доказывают Дж. Р. Стрейер [57] и Н. Элиас, главными признаками его проявления можно считать такие понятия, как «бюрократия», «суверенитет», «монополистские механизмы», «институционализация власти» и

³ Если иначе не указано, переводы — авторские.

⁴ Термин «рационализация» (как «секуляризация» и «упадок магии») — неоднозначное понятие, как предполагает Р. Дженкинс, поскольку крайняя, и порой ненужная, рационализация вовлечёт за собой «обратное околдовывание мира» и даже «разочарование» в рационализации (об этом свидетельствуют неоязыческие движения и другие движения современного общества).

Меттини Э., Вигель Н. Л.
Биовласть, биополитика, биоэтика:
Государственный интерес (Raison d'État)
и интересы человека в философии М. Фуко

«владение определенной, ограниченной территорией» [48]. Образование прочного (здорового) тела власти с разветвлением ее структуры на всех уровнях социальной жизни имеет главным последствием все более строгого контроля над территорией и над населением, проживающим на ней. На наш взгляд, в процессе централизации власти и усиления форм контроля можно увидеть зародыш «биовласти», понятийно-категориальную структуру которой мы рассмотрим более детально в дальнейшем.

Отечественный ученый Д.В. Попов указывает на то, что у истоков биовласти стоит ряд философских концепций о взаимоотношениях человека с природой, и среди них, по мнению Д.В. Попова, несомненный вклад в развитие понятия «биовласть» внесла концепция Ф. Бэкона «знание — сила» [24, с.274]. Тщательное его истолкование, предлагаемое Д.В. Поповым, доказывает, что в основе биовласти лежат именно знаменитые слова Ф. Бэкона. Ученый подчеркивает, что данная формулировка, впервые используемая Т. Гоббсом в «Левиафане» [11, с.85], является переводом латинского выражения «scientia potentia est». Обращая внимание на слово «potentia», можно заметить, что его английский коррелят — power — «имеет значения силы, энергии, мощи, могущества, власти» [24, с.274] так что можно переводить латинское высказывание как «знание — власть» (аналогично, выражение «sapientia est potentia» имеет такое же перевод). Это обстоятельство влечёт за собой то, что слово «potentia» указывает на почти насильственный акт, и, если заменить тире дефисом, как подсказывает Д.В. Попов [24, там же], получается гендиадис «знание — власть». Опираясь на данный гендиадис, можно выявить, что для Ф. Бэкона власть над природой, т.е. глубокое изучение природы и ее подчинение к человеческим требованиям, можно перенести на власть над человеческим животным началом для предотвращения мятежей и бунта⁵ [24, с.238].

⁵ На наш взгляд, концепция Ф. Бэкона нашла своеобразное выражение в утопическом произведении «Новая Атлантида» (см. Меттини Э., Вигель Н.Л. Утопичность и нейтральность

В этих целях власть в своих ипостасях правителя (суверена) и бюрократии выпускает два таких процесса, как индоктринацию и инклюзию, которые осуществляются особым образом. Устраняя угрозы голода, внутренней и внешней войны, и одновременно включая все больше слоёв населения в экономические и социальные структуры в целях самообеспечения и самообслуживания, власть, по мнению Д.В. Попова⁶, превращается в «биовласть». Биовласть занята «именно улучшением материальных условий жизни населения, а также формированием привлекательного образа власти средствами индоктринации и идентификации населения с национальным государством и его целями <...>» [24, с.239]. Индоктринацией и инклюзией населения в структуры государства биовласть капиллярно проникает в плоть общества, осторожно переходит от репрессивных мер в отношении вождельний и желаний к регулятивным мерам, которыми поощряются те виды деятельности, предотвращающие мятеж, одновременно распространяя на все уровни государства особый способ правления и суверенитета, успешность которого гарантирована и обеспечена территориальной ограниченностью самого государства.

Способы правления и суверенитета можно считать второй главной составляющей биовласти, которую в своих лекциях о правительственности анализирует М. Фуко [33]. Описывая правительственность, французский философ выделяет различие между способами управления, что, в свою очередь, позволяет углубить понимание биополитики. На наш взгляд, важной составляющей концепции М. Фуко является то, как управление обществом может быть переосмыслено в контексте морфологии «полиции» и «экономики». Эти категории представляют собой формы контроля на уровне индивидов и социального организма. В вышеупомя-

науки // Актуальные проблемы социально-гуманитарных наук. Москва: Издательский дом "Научная библиотека", 2024. С. 128–141).

⁶ Не все российские исследователи были согласны с такой точкой зрения. А.В. Глухов пишет, например, что М. Фуко прошел определенную эволюцию в понимании власти знания, (см. Глухов А.В. «Фуко как сверхавтор»// Философско-литературный журнал «Логос». 2019. №2 (129). С. 104–125).

Меттини Э., Вигель Н. Л.
Биовласть, биополитика, биоэтика:
Государственный интерес (Raison d'État)
и интересы человека в философии М. Фуко

нудой лекции французский философ исходит из учения о государстве Н. Макиавелли, и отграничивает разницу между способом правления «Государя» флорентийского мыслителя от понятия «искусство управлять», на которые намекали многие авторы, представляющие собой «антимакиавеллистскую» позицию. В данном контексте нам кажется целесообразным выделить два главных момента в аргументации М. Фуко.

Основной тезис М. Фуко — перенос суверенной власти со сферы трансцендентального в сферу имманентного, т.е. в сферу вовлечения власти в систему взаимоотношений, имеющих результатом далеко идущие последствия для самого государства⁷, что подчеркивает монархический характер власти, [33, с.12]. Взяв за пример труд мыслителя де ла Мот Лез Вейе, написавшего книги о воспитании дофина (т.е. о наследнике трона во Франции), М. Фуко указывает на различные виды правления, необходимые для управления государством. Главные формы правления, которым соответствуют определенные и особые формы знания и мышления суть управление самим собой (относящееся к морали), умение должным образом управлять семьей (относящееся к экономике) и наука достойного управления государством (являющаяся частью политики) [33, с.8–9]. М. Фуко справедливо замечает, что если в педагогике дофина (будущего правителя) преемственность вышеуказанных форм управления идет по восходящей линии (от управления самим собой, собственным имуществом, собственной семьей до управления государством), то можно заметить такую преемственность по нисходящей линии. Философ пишет: «<...> мы видим преемственность по нисходящей, означающую, что если государство управляется должным образом, а отцы семейств умеют достойно распоряжаться своей семьей, своими бо-

⁷ Исследование проблемы социальности тела, его «означивания» в культуре приводит М. Фуко к проблеме философской реальности, создающей условия для истинного Логоса (см. Соболевникова Е.Н., Сегалерба Дж. Философия Платона и «забота о себе» в философии М. Фуко // Погружение в глубины человеческой природы. Сборник научных работ разных лет (2021–2023) / отв. ред. Меттини Э. Москва: Изд. РНИМУ им. Н.И. Пирогова, 2024. С. 94–99).

гатствами, имуществом, собственностью, то и индивиды, в свою очередь, управляют собой должным образом» [33, с.9], что представляет нам возможности переходить ко второму тезису М. Фуко.

Французский философ продолжает тему, утверждая, что «<...> когда даже в поведении индивидов и в руководстве семьей слышатся отзвуки хорошего управления государством, в эту эпоху начинают называть «полицией» [33, там же]. Таким образом, у восходящей и нисходящей линий есть точка пересечения — понятие «экономика», управление семьей, которое надо понимать в его классическом истолковании. Если мы правильно понимаем определения М. Фуко, полиция и экономика представляют собой две формы управления и контроля над индивидами, имуществом, богатствами, женами, детьми, челядью и т.д. с одной важной оговоркой. Это обстоятельство как раз ведет к истолкованию понятия «экономика» как «ойкономия», управление домом хозяином, обладающим правом жизни и смерти над всеми членами семьи (под ними можно подразумевать как одушевленных, так и неодушевленных лиц), находящее свое утверждение в труде Ж.-Ж. Руссо, указывающем на то, что «экономика — мудрое управление домом ради общего блага всей семьи» [55]. Управление в его экономическом виде обозначает одновременно «править» и «быть управляемым», что, по мнению М. Фуко, отражается в книге Г. де ла Перьера, доказавшего, что «управление заключается в умении верно расставлять вещи, каковые берутся под ответственность, чтобы направить их к соответствующей цели» [33, с.10]. Если для Н. Макиавелли, под вещами можно подразумевать как территорию, так и людей, т.е. все объекты, попадающие под действие власти, то в труде Г. де ла Перьера, управление вещами есть управлением «подобием комплекса, образованного людьми и вещами» [33, с.11], что соответствует взаимосвязям людей с богатствами, ресурсами, продовольствием, территорией, климатом, обычаями, привычками, образами мыслей и поведения, возможными несчастьями (голод, эпидемии, смерти), но это не меняет суть суверенной власти. В конечном итоге, управление вещами и направленность их к соответствующей цели представляют собой ядро правительственности.

Меттини Э., Вигель Н. Л.
Биовласть, биополитика, биоэтика:
Государственный интерес (Raison d'État)
и интересы человека в философии М. Фуко

Опираясь на вышеизложенное⁸, можно прийти к выводу, что несмотря на то, что трансцендентное превращается в имманентное (т.е. определяются новые виды взаимоотношений между общественными акторами), экономика и полиция в том смысле, в котором мы их толкуем, предполагают «общее благо и благоденствие каждого» [33, с.12], требуя от населения полного подчинения. «Это означает, что цель суверенитета зациклена на самой себе: она отсылает к самому осуществлению суверенитета; благо есть подчинение закону, следовательно, благо, к которому стремится суверенитет, состоит в подчинении людей этому суверенитету», заключает М. Фуко [33, с.13]. Биовласть решает то, что необходимое для людей, управляет их физической и духовной жизнью, используя свою истину для достижения общих целей. Биовласть снисходительно относится к порокам людей, манипулируя ими в своих целях двойным образом. Тюрьмой и казнью биовласть уничтожает всякое инакомыслие, а карнавалом, перевернувшем вверх ногами общество на несколько дней, обеспечивает «сублимацию» собственных фрустраций народа. Для достижения собственных целей, суверенная биовласть смыывает границы между внутренним и внешним миром человека, т.е. между субъективными и объективными измерениями жизни. Именно «внутренность» биовласти позволяет ей стать эффективным способом контроля над жизненными процессами общества, лишая их автономности и свободы. Обратно говоря, суверенная биовласть проглатывает субъективную волю, превращает ее в коллективную, диктует нормы поведения социальному организму, правит и располагает им.

Суверенная биовласть являет собой внутреннюю силу, регулирующую социальную жизнь изнутри и управляющую ей. Занимательно, что используемое М. Фуко понятие «полиция» можно соотнести с термином

⁸ Здесь Фуко говорит о двусложном единстве полиса — в сочетании земли и политики. В Новое время была дана грандиозная попытка вдоль одной из данных координат, но постмодернистской реальности мы сталкиваемся с аномальными режимами, мыслящими не в логике экономического расчета, а трансгрессивной жажде новых свершений.

«благое управление»⁹. Благое управление, или «правление» и «правительственность», если переводить на лад М. Фуко, представляет собой прообраз хорошего управления. Возникшие в XII-XIII вв. итальянские коммуны могут служить наглядным примером «благому правлению». Во главе с городом был правитель «подеста» (имя происходит из латинского *potestas* — власть), приглашенный городом чужеземец, имеющий в своих руках все дела города и руководящий ими. Например, в городе Сиена (Тоскана), под подеста были около 400 чиновников, являющихся проявлением его воли и исполнителями его распоряжений. На своей зоне ответственности каждый из них занимался полицией (контроль за нравами и действиями людей) и экономикой (сбор налогов, вписывание штрафов и т.д.), таким образом обеспечивая порядок в городе. Занимательно, что в Сиене, во дворце подеста, имеются великолепные фрески Амброджо Лоренцетти, аллегорически показывающие населению последствия дурного или благого правления и способствующие пониманию того, что биовласть представляет собой. Биовласть — явление «полицейского государства» (к этому понятию мы еще вернемся), заботящегося о населении ради взаимных интересов.

В рамках концепции суверенной биовласти, как метода правления сударем той или иной территорией, можно предположить, что государственный интерес отождествляется с приумножением сувереном или городской властью своих благ и богатств, с распределением функций так, чтобы механизм и тело управляемой территории работали безотказно, не вызывая никаких сомнений в правоте правителей. Опираясь на эти предпосылки, под выражением «знание — сила» можно подразумевать «способы управления — сила», тесно связанных с необходимостью формирования «целенаправленной и рациональной системы управленческой деятельности» [24, с.120], удержавшей «человека от отворения врат ада» [24, там же]. Как правильно подчеркивает Д.В. Попов, такой подход можно назвать «линией Макиавелли» [24, там же], т.е. «знать, как управлять» [27, с.340]. Полиция и управление вещами в том

⁹ На итальянском «*Buon governo*».

Меттини Э., Вигель Н. Л.
Биовласть, биополитика, биоэтика:
Государственный интерес (Raison d'État)
и интересы человека в философии М. Фуко

смысле, в котором изложил М. Фуко выполняют специфичные функции (разделение труда, распределение обязанностей и ролей, контроль над ними), которые в дальнейшем приводят к улучшению производительности, усовершенствованию рабочего процесса и социального устройства¹⁰. В труде *Dits et écrits* [50, с.153–190] М. Фуко замечает, что нельзя говорить о власти как о чём-то едином, поскольку общество не представляет собой единственного тела, внутри которого осуществляется одна и только одна суверенная (био)власть. Несмотря на свою монолитность, суверенная (био)власть является сопоставлением, связью, координацией, иерархией властей, при условии, что каждая из властей сохраняет свою специфику. Власть образовывается тогда, когда организует, «разложит по полочкам», приумножает свой потенциал, рационально и разумно управляя обществом, что при дальнейшем развитии государства находит свое более масштабное применение в рамках биополитики.

На данном этапе нашего исследования необходимо задаться таким вопросом: а когда появилась «биополитика»? В учении М. Фуко биополитика представляет собой понятие, имеющее за собой довольно интересную и сложную археологию¹¹, из которой мы берем самые главные составляющие. Поворотным моментом в проявлении биополитики можно считать тот период развития общества (XVII–XVIII вв.), когда власти были вынуждены пересмотреть свое отношение к подданным и

¹⁰ Как справедливо замечает П.Д. Тищенко «биовласть как сила не зависит от произвола субъективной воли, а поэтому воспринимается как данная для тех, кто оказывается внутри иерархии подчинения и правления» (см. Тищенко П.Д. Биовласть: эвристическое пространство концепта в антропологии // Этнографическое обозрение. 2013. № 6. С. 102–108. Здесь, с. 102).

¹¹ Несмотря на то, что и сам термин «биополитика», или «биополития», (*biopolitics/biopolicy*) возник в научной литературе в начале 60-х гг. XX в. (см.: Кузнецова А.А. История становления биополитики как направления политологических исследований // Российский социально-гуманитарный журнал. 2022. №1. С. 133–148), мы можем найти это понятия у Р. Челлена (См.: Р. Челлен Государство как форма жизни. М.: Издательство: Российская политическая энциклопедия, 2008. С.143; и см. так же Ден В. Э. Учение Рудольфа Челлена о предмете и задачах геополитики // Известия РГО. 1997. Т. 129. Вып. 1. С. 26–38).

гражданам, которые стали «населением». Этот процесс произошел в тот момент, когда власть видела в них основной капитал и резервуар энергии для собственных амбициозных проектов, для завоевания других территорий и превращения территориального государства в империи (или защиты родины от внешних и внутренних врагов¹² [42, с.10]. Парадигма «власть — население» заменяет концепцию «знание — сила», но не отбрасывает ее методы правления, наоборот, делает их более тонкими и эффективными. Опираясь на данные предположения, можно считать, что, по мнению М. Фуко, биополитика — почкование биовласти в той мере, в которой она продолжает и упрочняет управленческие рычаги правительственности. Во-первых, биополитика модернизирует патерналистскую модель территориальной биовласти, и, во-вторых, адаптирует ее категории «экономика» и «полиция» требованиям общества, становившегося все более динамичным, сложным и многоярусным. А поскольку население представляет собой своеобразный производительный и производственный материал, биополитика предпринимает все возможные попытки, чтобы «выковывать» его и подчинять его себе дисциплиной, надзором, иерархизацией общества, т.е. методами, «унаследованными» от биовласти.

Процесс массивности населения, дифференциация его целей, массовое производство благ и развлечений заставляют власть управлять обществом более уточненным образом. Частично концепция «власть — население» оперирует «массой» в том смысле, на который указал Э. Канетти в своем классическом произведении «Масса и власть» [14]. Масса подвергается различного вида манипуляциям со стороны власти, в конечном итоге становясь её жертвой. Но в то же время нужно подчеркнуть, что эта концепция массы предполагает отбор населения в целях государства, т.е. в пользу государственного интереса. А как биополитика осуществляет такой отбор? Очень просто. Биополитика приме-

¹² Этот процесс стал более заметен при крахе «старого порядка» (*Ancien Régime*), и при первой индустриальной революции, вовлекающих за собой глобальные социальные и экономические изменения.

Меттини Э., Вигель Н. Л.
Биовласть, биополитика, биоэтика:
Государственный интерес (Raison d'État)
и интересы человека в философии М. Фуко

няет в отношении массы проверенный подход биовласти, превращает её в собственное тело, но со значительной оговоркой. Если при биовласти как выражении «старого порядка» (Ancien Régime) каждая рана на теле общества была как будто нанесена самому сударю (вспомним слова Короля-Солнца: «Государство — это я»), то при либерально-демократическом и, как это не странно, тоталитарном строе, биовласть совершает еще более интересный поворот.

Как правильно замечает М. Энафф, после французской революции материалистические учения Просвещения применились к обществу как целому. Тело общества становится внешним в отношении власти, народная масса полностью механизирована и превращена в нечто бездушное, безвольное, выполняющее приказы (на это обстоятельство указывает и Э. Канетти), чтобы никто не был наказан или уничтожен. М. Энафф пишет, что, освободив машину от души, она автоматически освобождается от предрассудков морали, она «недоступная угрызениям совести и жалости, недостижимая для осознания вины, она в конечном итоге, утверждает, что если душа не существует, то все дозволено, а с другой стороны, когда люди уже машины, то они уже лишаются и свободы движения» [41, с.53]. Одновременно эту массу как материю можно разделить на бесконечное количество частей, и каждая единица его подвергается тщательному исследованию. При биополитике дисциплина — форма анатомизации и атомизации общества. Они суть отличительные черты биополитики, так что «Дисциплина — «это *grosso modo*, своеобразная политическая анатомия, анатомио-политическая анатомия, анатомия, которая целится на индивидуумов лишь для того, чтобы их анатомировать», заявляет М. Фуко [50, с.193]. Этими словами французский философ рассматривает дисциплину как специально разработанную технологию власти, которая, пользуясь атомизацией и анатомией каждой единицы населения, изучает его интересы, поведение, и привычки. Поэтому М. Фуко считает, что под населением можно подразумевать живые существа, контролируемые и управляемые такими биологически-

ми процессами, как смертность, рождаемость, заболеваемость, состояние здоровья и многие другие.

Таким образом, с одной стороны, дисциплина представляет собой способ повысить способности людей так, чтобы они все лучше могли выполнить свои обязанности (постоянное обучение солдат, например, чтобы наименьшее количество их погибло), а с другой стороны, изолирует людей друг от друга, чтобы осуществить надзор и свою «социальную гигиену». Опираясь на второй том «Капитала» К. Маркса, М. Фуко продолжает собственное исследование надзора, указывая на то, что, по мнению немецкого философа, каждая власть осуществляется на том или ином пласте человеческой деятельности (цех, фабрика, армия и т.д.). Поведенческие модели, жесты, их доведение до автоматизма, установление режима дня¹³ регламентированы наставниками, бригадирами, начальниками по производству, офицерами и т.д. [50 с.186]. При массовом производстве дисциплина становится жизненным принципом человечества, действуя в том пространстве, которое М. Фуко называет дисциплинарным.

Четко указывая на то, что «территориальная власть» суверена переносится на «территориальную власть» начальника любого звена, осуществляющего контроль над другими, М. Фуко подчеркивает, что дисциплина является технологией, механизмом «<...> власти, через который мы достигаем контроля над социальным телом вплоть до наименьших его элементов, через который мы дойдем до самых социальных атомов, т.е. до людей» [50, с.191]. Это касается как производственных, так и образовательных, лечебных учреждений (клиника, больница, сумасшедший дом). Замкнутое пространство цеха, фабрики, школы, казармы, клиники, где каждый получает свое прозвище, истинное имя, истинную болезнь [31, 34, 36], указывает на то, что дисциплина — «искусство ранга и техника преобразования размещений. Она индивидуализи-

¹³ Подъем, обед, отдых, маршрут из дома до работы и обратно, отбой, формы сексуального поведения организованы массовыми производством и обществом. В основе такого отношения к рутине и к жизни человека лежит философия абсурда А. Камю (см.: А. Камю. Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство: Пер. с фр. М.: Политиздат, 1990. 415 с.).

Меттини Э., Вигель Н. Л.
Биовласть, биополитика, биоэтика:
Государственный интерес (Raison d'État)
и интересы человека в философии М. Фуко

зирует тела посредством локализации, которая означает не закрепление их на определенном месте, а их распределение и циркулирование в сети отношений» [31, с.213]¹⁴.

Дисциплинарное пространство сохраняет атомизацию и анатомию населения так, что школа определяет «механизм и обучения, и надзора, иерархизации и вознаграждения» [31, с.215], тюрьма отделяет политических заключенных от других преступников, клиника фиксирует болезни и способы лечения, цех выделяет место в рабочем процессе каждому. Каждый узнаваем, каждый доступен для познания и для исправления, а самое главное — каждый находится в поле «всеохватывающей видимости, всепросматривающей власти» [31, с. 228–229]. Биополитическое общество применяет в полном объеме к социальной действительности принцип паноптикума, тотального контроля, который теоретизировал Дж. Бентам [45]. Дисциплина ограничивает, определяет, отграничивает обязанности, запрещает, поскольку её главной целью является делать тело и телесность человека послушными. Как лапидарно подтвердил М. Фуко, жизнь стала «объектом власти» и пешкой в ее руках [50, с.194]. Благодаря контролю, биовласть осуществляет «глобальное доминирование над населением» [27], продвигая то, что вслед за С. Лемом мы можем называть «биоэволюцией» и «техноэволюцией» [19]. Биополитика берет на себя функции биологической эволюции. Биовласть (можно читать «биополитика», Э.М.) осуществля-

¹⁴ По М. Фуко, принцип контроля, характерный для дисциплинарного общества, над производством особого дискурса, который способствует пространственному прикреплению, оптимальной фиксации индивидов в пространстве и времени, эксплуатации телесной силы путем регламентации жестов, поз и внимания, введение постоянного надзора и прямой карательной власти, которая анонимна, неиндивидуальна, но неизменно влечет за собой учет подчиненных индивидуальностей; «техники распределения тел, индивидов, времени и рабочих сил». Вместе с тем, ученый признает позитивные функциональные последствия Д., которые особенно проявляются в военной деятельности и в индустриальном производстве. Литература: Фуко М. Психиатрическая власть. СПб., 2007 (см.: Словарь новейшей социологической лексики: теории, понятия, персоналии (с английскими эквивалентами) / С.А. Кравченко. Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России, каф. социологии. М.: МГИМО-Университет, 2011. 408 с. Здесь с. 103).

ет отбор, кому-то дает жить, а кому-то — умереть [31, с.214] так, что биополитика разработана для контроля над рабочей силой, является важной составной частью капитализма, в то время как современный расизм» [32], по анализу М. Фуко, специфически определяется биополитическими технологиями контроля над населением. И снова речь идет об онтологии властных технологий» [50, с.184].

Продолжая сравнение этих двух понятий, как «биоэволюция» и «техноэволюция», можно отграничить еще несколько граней биополитики. Состояние «тотального доминирования» определяет статус гражданина. В контексте биополитики действует ее двойственность, оперируя принципом политического «включающего исключения» [1, с.15], которая развивается по пути «инклюзии индивидов в экономические и правовые процессы в качестве субъектов интереса и права» [42, с.11], как подчеркивается неоднократно М. Фуко [35], но одновременно имеет своей целью их эксклюзии в качестве «чисто биологического “молчаливого большинства”» [42, там же]. Как справедливо замечает С.В. Комарофф население можно рассмотреть одновременно как «объект государственного принуждения» и «субъект проектов демократической эмансипации» [16, с.18]¹⁵. Двойственные принципы включения и исключения определяются социальным, экономическим и политическим дискурсами биополитики, опирающиеся не столько на послушание граждан, столько на определение границ свободы человека [34].

¹⁵ Это обстоятельство напрямую касается свободы человека и имеет прямое отношение к либерализму как выражению современной биополитики «Если копнуть немного глубже, докопаться до сути вещей, вы <...> увидите, что то, что характеризует новое искусство управлять, о котором я говорил, окажется скорее натурализмом, нежели либерализмом, поскольку та свобода, о которой говорят физиократы, Адам Смит и др., — это в гораздо большей степени спонтанность, присущая экономическим процессам внутренняя механика, нежели юридическая свобода, признаваемая как таковая за индивидами. <...> Таким образом, в середине XVIII в. появляется скорее натурализм, чем либерализм. Однако я полагаю тем не менее, что можно использовать слово “либерализм”, поскольку в центре этой практики или проблем, поставленных этой практикой, оказывается свобода» (см. М. Фуко: Рождение биополитики, С. 38).

Меттини Э., Вигель Н. Л.
Биовласть, биополитика, биоэтика:
Государственный интерес (Raison d'État)
и интересы человека в философии М. Фуко

Дисциплина и надзор, используя различные виды давления на население, лишь снижают сопротивление населения к напору власти, но настоящий процесс инклюзии и эксклюзии берет своё начало в управленческой системе биополитики. В своих трудах Дж. Агамбен и Р. Эспозито [45] убедительно доказывают, что, оперируя дисциплиной и надзором, биополитика является законодательницей смерти и жизни. Такое положение имеет следствием то, что биополитика отдаёт предпочтение социальной (bios) нежели природной жизни (zoë), решает на «молекулярном» уровне общества отбор тех генов, которые должны быть полезными для общества. Например, Дж. Агамбен подчеркивает, что биополитика использует механизмы заключения в общество и/или исключения из общества (вплоть до физического уничтожения), предоставляя человеку возможность войти в «полис», т.е. стать частью «биос» и избегать участи «homo sacer», священного человека, которого нельзя убить, но которым можно пожертвовать [1].

Таким образом, биополитика решает вопрос о «вырожденных дефектах» и «ненормальности». Патологическое и ненормальное определяются решением суверенной биовласти (стигматизация может быть обусловлена любым признаком несоответствия к норме), так что нетерпимость становится и главным критерием исключения (эксклюзии, подавление отрицательных явлений и т.д.) [50, с.232]. Биополитика проверяет потоки населения, рост населения, миграции и т.д., что распространяется на все учреждения и ведомства, которые занимаются данными вопросами. Статистика смертей, ненормальных, обездоленных, неформальных лиц представляет собой триумф нормы, нормирования, нормализации, вследствие чего гигиена в области социологии и здравоохранения утверждают и продвигают системы клиники и тюрьмы, т.е. системы наблюдения, предотвращения и наказания. Биополитика смотрит на население как на «совокупность живущих рядом друг с другом живых существ, которые обнаруживают особые патологические и биологические признаки и, следовательно, предполагают особые знания и технологии» [27, с.474]. Биополитика более ориентирована на смерть, чем на

жизнь (что позволяет говорить о «танатополитике» у М. Фуко) [42, с.12], на патофизиологию, на патоанатомию, т.е. на обнаружение дефектов, чем на предписание социального «здорового образа жизни», говоря современным языком. Но именно в уничтожении «чужого», и «медикализации общества» [51], скрывается одна пекулярная черта биополитики, т.е. расизм, через который проводят индоктринацию населения. В понимании М. Фуко под расизмом можно подразумевать поиск общего врага власти и народа, на которого ополчаются, чтобы обрушить на него злобу дня [32, с.253–279].

В этом взаимоотношении между «нашим» (общественно принятым), и «чуждым» выражается ещё одна черта биополитики — состояние перманентного государственного переворота как отрицание и отвращение ко всему, что отличается от социальной нормы. «Государственный переворот — это то, что превосходит общее право <...> это чрезвычайные действия вопреки общему праву, действия, которые не сохраняют никакого юридического порядка, никакой формы юстиции», утверждает М. Фуко [27, с.342]. Используя этот прием, любая власть может действовать молниеносно, неотложно, без правил. Состояние перманентного переворота представляет собой защиту государственного интереса, требующего, «<...> чтобы любым способом было сохранено, какими бы ни были средства для этого» [27, с.343]. Биовласть вынуждена осуществлять перманентный государственный переворот в связи с тем, что насилие входит в число тех мер, способствующих защите государственных интересов [2]. Отсутствие антиномии между насилием и государственным интересом, а скорее легитимность насилия в целях сохранения этого последнего, подчеркивает, что биовласть порождает, поддерживает и продвигает вперёд идею о суверенной власти, действующей в условиях «чрезвычайной ситуации»¹⁶. Как бы парадоксально ни звучало, «суверенитет есть высшая, независимая от закона [не из чего] невыводимая власть», как заметил К. Шмитт, уточняющий,

¹⁶ О чрезвычайном положении как основе биовласти и биополитики (см.: Homo Sacer. Чрезвычайное положение. М.: Европа, 2011. 148 с.).

Меттини Э., Вигель Н. Л.
Биовласть, биополитика, биоэтика:
Государственный интерес (Raison d'État)
и интересы человека в философии М. Фуко

что «суверен тот, кто принимает решение о чрезвычайном положении» [40, с.15]. На этом держится принцип децизионизма, т.е. принятие властью решений, отличающихся от обычных, «ординарных» решений государственной власти, «вписанных» в рамки правовой нормативности [16, с.65].

Чрезвычайная ситуация служит зоной хаоса для общественного устройства, потому что хаос не поддается нормированию, и «именно поэтому нормативный порядок в условиях чрезвычайной ситуации терпит крах» [24, с.240]. В этом ядро чрезвычайной ситуации в силу того, что исключительность этой последней относится не сколько к кратковременно угрожающей ситуации, а какой-либо ситуации, которая может привести к распаду существования государства. Способность суверена принимать нужные меры способствует переходу «через грозящей гибелью бездну хаоса к нормальному состоянию правовой упорядоченности, является решение суверена, конституирующее государственный строй...» [16, с.66]. Но каждое решение, приводящее к новому порядку, лишь предлог для очередного проявления нового хаоса, так что, как справедливо замечает Костогрызов П.И. «суверен у К. Шмитта выступает как демиург политического и правового универсума. Он сначала творит этот универсум из ничего, а затем по мере необходимости спасает своими решениями от попыток хаоса вновь его поглотить» [16, там же]. Чрезвычайная ситуация становится обычным состоянием общества, так что данные обстоятельства имеют важнейшим последствием утрату роли свободы человека.

Как утверждает Ф.П. Адорно, каждая настоящая политика указывает на исчезновение индивидуума, который должен «пожертвовать собой ради высшего блага, не жалея об этом» [43, с.131]. Общественное сознание и сознание каждой отдельно взятой личности, подвергается метаморфозам, главную роль в осуществлении которых «сыграла провозглашенная, но ложно понята и еще более ложно примененная свобода», которая является деструктивной [26, с.41]. Пользуясь своими механизмами, биополитика осуществляет контроль как над «желанием», так и над

«свободой». В этом контексте биополитика обеспечивает критерий выбора Добра и Зла, хорошего и плохого, дурного и благого. Таким образом, биополитика внедряет в общество свои формы индоктринации, которые находят главное применение и воплощение в образовательной системе, на которую М. Фуко обратил особое внимание.

Анализ образовательной системы, который М. Фуко проводит, весьма интересен для того, чтобы понимать суть биополитики. Будучи одним из многочисленных «отборочных» инструментов биополитики, образование должно определить отношения «между тем, кто знает, и тем, кто не знает» [9, с.26]. Исследуя множественные практики управления, М. Фуко выделяет управленческие отношения педагога и учителя, т.е. как работает контроль над ребенком и учеником [29, с.188]. Данный вид надзора входит в сеть «малых отношений власти» [29, с.289], включающих родителей, работодателей и тех, «кто вбил ему в голову то или иное представление» [29, там же]. Этот последний аспект очень важен в рамках настоящего исследования, потому что определяет как биополитика осуществляет отбор. Определяя содержание, способы и формы передачи знаний, биополитика распространяет свой дискурс, «вбивает в голову» и объявляет свое видение о знании. «Власть — знание» — второй основной элемент биополитики, через который выбирается «полезное для власти или противящееся ей знание» [31, с.43]. «Власть — знание» (*puissance — savoir*) входит в русло дискурсивных практик, представляющих собой нормативы и обезличенные правила, которые, в свою очередь, создают устойчивые структуры (эпистемы). Эпистемы выявляют порядок мышления, управляют им, образуют возможные формы знания в различных эпохах. Знание и познание расходятся навсегда, вследствие чего субъект перестанет быть личностью и производителем знания, а представляет собой лишь изменчивую и сложную функцию дискурса [28].

«Власть-знание повторяет и углубляет когнитивное измерение дискурса, которое составляет нераздельное единство, охватывающее как социальные формы функционирования знания, так и его реализацию властными учреждениями. Образовательные учреждения базируются на кон-

Меттини Э., Вигель Н. Л.
Биовласть, биополитика, биоэтика:
Государственный интерес (Raison d'État)
и интересы человека в философии М. Фуко

цепции «бессубъектного дискурса» [21] и представляют собой улучшенную, усовершенствованную форму «индоктринации», о которой писал Ф. Бэкон, уходящей своими корнями к понятию «забота». Как система локального контроля и надзора биовласть предотвратила бунт и мятеж, работая над животным началом человека, так биополитика действует аналогичным образом, играет «охранительную» роль, так что «вбивание в головы» представляет собой мнимую форму заботы. Эта забота об ученике в образовательной системе, отодвигает на второй план заботу субъекта о себе, которая, по мнению М. Фуко, берет своё начало в сократовском «знай самого себя» [цитируется по 9, с.26]. На наш взгляд, в фукианской «забота о себе» можно обнаружить онтологическую основу индивидуального бытия в силу того, что «знание о себе» и «забота о себе» имеют практическую и моральную сторону. Забота о себе — «принцип деятельности, практический» [9, с.29], который «<...> должен стать образом действия, манерой поведения, “пропитать” различные стили жизни», через которые «осмыслять, развивать, совершенствовать и преподавать» [30, с.53] для преобразования и создания субъектом себя, чтобы «<...> повернуться к себе» [30, с.55] и кардинально изменить свое отношение к другим, к собственным мнениям, так что забота о себе «выступает способом формирования и развития субъекта» [9, с.29]. С другой стороны, образование себя и забота о себе выступают и моральным принципом, так что «познающий субъект» вступает на путь катарсиса, очищение, определяет способ бытия «который обладал бы ценностью как моральное исполнение себя самого» [30, с.55]. Если учитывать, что практический принцип — поведенческий принцип, он совпадает с моральным, поскольку этика обозначает «правильное поведение». Человек может образовываться познанием и преобразовываться морально, когда «предпринимает познание себя, контролирует и испытывает себя, себя совершенствует и преобразует» [28, с.301]. Вторая часть лекций — «Мужество истины» — несомненно выступает интеллектуальным завещанием М. Фуко, где он выделяет три линии рассуждения: «сократовский момент» на примере «Апологии Сократа»; финал

диалога «Федон»; комментарий к «Лакхету». Благодаря этому, *παρηγοια* выступает как основание философского типа мышления, как отношения учителя и ученика, что указывает на три уровня философской «реальности»: первый уровень — истины и веридикции; второй уровень — политики и управления; третий уровень — этоса или субъекта [25, с.96]. Таким образом, философский дискурс существует благодаря возможности взаимодействия этих уровней: в логосе невозможно поставить вопрос об истине, не затрагивая одновременно проблем политики и этики, и то же самое относится к постановке политических и этических вопросов» [25, там же].

Можно отметить, что забота образовательной системы, как любой другой системы контроля и надзора является сохранением дискурса — эпистемы, подтверждающей права биополитики над человеком. Знание и познание (*connaissance* и *savoir*) ограничивают два типа заботы. Знание не требует критического принятия себя, поскольку оно — ядро того, что необходимо знать, независимо от высказывания говорящего, потому что «никакое знание не формируется без системы коммуникации, регистрации, накопления, трансляции, которая уже сама по себе есть форма власти» [9, с.26]. Знание можно передать, распределить, усвоить, удерживать в памяти, но оно само по себе, сливается с дискурсом власти, что приводит М. Фуко выделить как «определённый тип власти над индивидами», «воспитание и формирование их индивидуальности» [29, с.277]. Знание повторяет то, что человеку нужно знать, повторяет и не умножает количество понятий, которые необходимые для преобразования человека, а лишь утверждает положение каждого человека в обществе, его статус, его судьбу. Неким образом можно сказать, что для М. Фуко образовательная система создает определенный *габитус* в том толковании, которое мы находим в раннем произведении П. Бурдьё, где указано, что *габитус* — «порождающий и объединяющий принцип поведений и мнений, являющийся объяснительным принципом, поскольку он имеет тенденцию к воспроизводству в каждый момент школьной или интеллектуальной биографии системы, объективных условий, продуктом которой он является» [47, с.198].

Меттини Э., Вигель Н. Л.
Биовласть, биополитика, биоэтика:
Государственный интерес (Raison d'État)
и интересы человека в философии М. Фуко

«Власть — знание», для которой не имеет значение точность информации, а только её воспроизведение на любом уровне социальной жизни, создает волшебный круг, прямым последствием которого является то, что «вся система обучения, которая, как кажется на первый взгляд, создаётся для того, чтобы распространять знание, <...> на самом деле создана для того, чтобы сохранять власть у определённого общественного класса и исключить орудия власти всякого иного общественного класса» [29 с.119–120], если учитывать, что главные задачи образовательной системы суть управление «душами и поведением», «управлении детьми» [28, с.183]. Дисциплина, которой требует «власть — знание», устраняет «волю к знанию», или, по крайней мере, приравнивает к правдивости очевидные явления, которые не представляют собой истины, но к истине, будучи результатом познания (connaissance) [28, с.346], что вовлечет за собой свободу человека. Опираясь на это, можно выявить то, что образовательные учреждения через оценки, экзамены, конкурсы, тесты на определение IQ¹⁷, составление рейтингов, если говорить современным языком, позволяют классифицировать, отобрать, управлять детьми так, чтобы каждый ребенок был в глазах у преподавателя со своим клеймом, и преподаватель относился к нему по его оценкам, а не по его заслугам. Дисциплина (ограничение движений человека и отбор его действий и желаний), расизм (отграничение социально допустимых и недопустимых поступков человека) и образовательная система (главная индоктринирующая среда) представляют собой высшую степень развития концепций национального государства как

¹⁷ Вопиющим случаем можно считать «Бине–Симон тест», определяющий умственную отсталость и умственный возраст детей, который подвергался различным видам критики. Американский психолог Р. Йеркс считал недостатком теста предположение, что каждый, кто будет проходить его, должен являться носителем того языка, в котором проводится тестирование. Помимо этого, уровень интеллекта не может определиться по возрасту, а по всеобщей оценочной шкале, добавляя, что тоже социальные и биологические факторы должны быть учтены при оценке. В свою очередь, С. Дж. Гульд указывал на неэтичность применения теста в США, который использовался для дискриминации иностранцев и представителей рабочего класса в пользу представителей высшего слоя общества.

единого социального тела и расколдовывания мира. Массификация общества лишь укрепляет их теоретические постулаты, в основе которых лежат рационализация всего сущего, т.е. отказ от метафизики и онтологии в их классическом понимании. Одновременно и вопреки своим собственным убеждениям, биополитика создает свою политическую онтологию, поскольку она является продолжением и усовершенствованием «полицейского государства», о котором речь шла выше.

В либерально-демократическом обществе полиция есть, с одной стороны, то, что обычно называется «государство всеобщего благосостояния» (Welfare State), а с другой стороны, «Wohlfahrtspolizei»: полиция как забота об общем благе подданных» [24, с.122]. Стили управления, предложенные М. Фуко, связаны с понятиями «инклюзия» и «эксклюзия» и создают напряженность между включением и исключением. Важно отметить, что биополитика как понятие определяет новую форму правления, где индивидуальная жизнь становится под контролем и используется в интересах государства. Биополитика политизирует онтологию в силу того, что она обусловлена понятием «policy», разработанным Р. Ароном. Под этим подразумевается «концепция, программа действий, а то и само действие одного человека, группы людей, правительства» [5, с.21], т.е. некоторая последовательность шагов, «которая необходима для решения определенной задачи, значимой для совокупности людей», так что как определяет... «Политика» в значении “policy” подразумевает стратегию движения к определенной цели, значимой для определенного сообщества и способы реализации этой стратегии» [3, с.61]. Биополитика не предусматривает пересечений политических стратегий, согласуемых управляющими и управляемыми, т.е. не предусматривает их взаимодействия. Она относится к тоталитарным системам правления, и воплощает «режим полиса», то есть «способ организации руководства, отличительный признак организации всего сообщества» [5, с.24]. Й. Оксала, подсказывает, что «онтология Фуко в корне политическая (“политическая онтология”), потому что под ней можно подразумевать, что общественная действительность не состоит из “субъектов и объектов, существующих в мире как преданные постоянные”, а она представляет со-

Меттини Э., Вигель Н. Л.
Биовласть, биополитика, биоэтика:
Государственный интерес (Raison d'État)
и интересы человека в философии М. Фуко

бой результат политических схваток и таким образом является последствием власти» [цитируется по 54, с.180]. Опираясь на данные предпосылки, мы считаем, что можно называть данную онтологию биополитической.

Политическая онтология биовласти оперирует двумя главными понятиями, которые определяют ее тоталитарный (всеохватывающий), характер. Первое из них — то, что можно называть затмением разума, т.е. преобладание расчетливости и инструментального разума как глобальные формы управления жизни человека¹⁸. Как писали Т. Адорно и М. Хоркхаймер, «абстракция, инструмент Просвещения, относится к своим объектам подобно року, понятие которого ею искореняется: способом ликвидации» [38, с.27]. В условиях нивелирующего господства абстрактного, делающего все в природе повторяющимся, и индустрии, для которой оно его обрабатывает, сами освобожденные в конце концов становятся той «толпой», которую Гегель охарактеризовал как результат Просвещения в силу того, что «дистанцированность субъекта от объекта, предпосылка абстракции, имеет своим основанием ту дистанцию к вещи, которая приобретает господином посредством подданного» [38, там же]. Биополитика соответствует этой логике тем, что своим инструментарием (дисциплина, расизм, образовательная система) превращается в репрессивный инструмент, т.е. становится режимом, табуирует все то, что «иное», возвышает свою мифологию (черта общая как для эпохи Просвещения, так и для тоталитарных режимов), вечное возвращение данности, выход откуда запрещается. Таким образом, истребляется возможность человеком стать самим собой, создать свое собственное мировоззрение и возникает инструментальный разум.

Данный вид разума объективен, оперирует универсалиями, определяющими, какое действие правильное. Инструментальный разум фокусируются скорее на цели, нежели на средстве, и единственным критерием

¹⁸ Не стоит забывать, что одной из вершин Просвещения можно считать творения Де Саде, которые при своей отвратительности, представляют собой наглядный пример инструментального разума и рационализации физиологических функций человека.

инструментального разума служит его оперативная ценность или целеустремленность. Понятие «истина» становится контингентным, что сблизит его с субъективным разумом (ведь, субъективный разум — увлеченное понятие и прежде всего делает акцент на средствах). Разумный характер действий человека и их целей не имеет значения: конечным результатом служат лишь цели субъекта (самосохранение или самопродвижение)¹⁹. «Разумное» должно быть то, что подходит для конкретной цели, то, что есть «хорошее для кого-либо другого». Поскольку постольку субъективный/инструментальный разум преобладающий, идеалы демократического общества больше зависят от «интересов» людей, чем от объективной истины. Как написал М. Хоркхаймер: «Но в наши дни власть над обществом более чем когда бы то ни было связана с властью над вещами. И чем сильнее у индивида развито стремление к власти над вещами, тем сильнее господствуют над ним, лишая его подлинно человеческих черт, и тем скорее его сознание превращается в автомат, послушный формализованному разуму» [37, с.150].

Инструментальный разум устраняет глубинные основания и лежащие в основе общества, разум окончательно формализуется и замыкается в себе. Становление инструментального разума, замкнувшего разум — ratio и конструируемое этим разумом общество является ядром политической и биополитической онтологии. Разум уже не нацелен на развертывание всеобъемлющей системы всех существ, включая человека и его цели. На общественном пласте, жизнь человека уже не целостна, не гармонизируется с целями общества. Через инструментальный разум биополитическая онтология резко упрощает существование человека, лишая его возможности проявить то, что Аристотель в Этике называл «фронезисом»²⁰, т.е. практический разум, ту способность, которая позволяет определить то, что такое «добродетель» и дей-

¹⁹ В этом как раз обнаруживается ещё одна черта описанной Э. Канетти массы.

²⁰ По тексту Никомаховой Этики, можно считать, что под фронезисом можно подразумевать «суждения, способствующие действию по поводу вещей, хороших или плохих для человека, [о том,] какие [вещи являются благами] для хорошей жизни» (см. Аристотель, Никомахова этика URL: <http://www.civisbook.ru/files/File/Aristotel.Nikomakhova.pdf>, С.103).

Меттини Э., Вигель Н. Л.
Биовласть, биополитика, биоэтика:
Государственный интерес (Raison d'État)
и интересы человека в философии М. Фуко

ствовать по ней. Этот коренной переворот в осмыслении сыгранной человеком роли в политической жизни общества имеет последствием то, что фронеzis превращается в нечто, отвечающее текущим требованиям и нуждам, не возвышает истины, а лишь преходящие ценностные ориентации, которые являются замаскированной индоктринацией биополитики.

Эти обстоятельства ведут нас ко второму понятию, на которое опирается биополитическая онтология. Инструментальный разум влечет за собой упадок личности в контексте принятия важных для человека решения. Устранение ценностных основ общества приводит к деградации межличностных отношений и обесцениванию человеческого общения в силу того, что отношения между людьми приобретают сугубо утилитарный характер для достижения определенных целей, не представляющих собой никакой ценности. Расчётливость действий инструментального разума рассматривает как организовывать всё бытие человека (от хобби до сексуальных развлечений), направляя их в определенное русло, которое можно обобщать под понятие «культурная индустрия»²¹ [6]. Рассмотрев последствия культурной индустрии, Дж. Берджер утверждает, что современные средства производства разрушили авторитет искусства и «впервые в истории художественные образы становятся эфемерными, повсеместными, иллюзорными, доступными, бесполезными, бесплатными, пошлыми» [46, с.32–34.]. Кино, телевизионные сериалы, реклама, интернетовские мемы превращают искусство в нечто, потерявшее собственную эстетическую ценность. Ценности и искусство можно насмешить и осквернить ради собственного развлечения. В рамках культурной индустрии любой вид развлечения подтверждает статус человека, но предполагает его возможное изменение (хеппи-энд в аме-

²¹ Как подчеркивает В. Беньямин, «чем сильнее утрата ценности какого-либо искусства, тем менее его критикуют зрители и критики. И наоборот, чем более ново искусство, тем с большим отвращением оно подвергается критике. Это тоже важная черта нашего времени и современного общества» (см.: В. Беньямин Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости. Избранные эссе. М.: Медиум, 1996. 239 с. Здесь С. 49).

риканских кинолентах), или уход в сферу фантастики (победа разумной человеческой расы над варварством инопланетян). Все люди идут в темп, который дает власть на досуге и на каникулах, сводящийся к своеобразным ритуалам вечного повторения²².

Как правильно замечает Шемякина Е.В., онтология индивида создается самой властью, он — «производная власти, ее продукт» [39]. На фоне логики инструментального разума, даже вне образовательной, рабочей, или семейной среды, повторяется и укрепляется дисциплинарное пространство цеха, казармы, школы и клиники. В этот темп вписывается вся жизнь человека, и в обществе, созданном и управляемом биополитикой, выделяется фигура работающего человека (*homo laborans*), который производит и потребляет товары, создает блага для общества и для себя. То, что ему непосильно сразу покупать, приобретает в кредит, тем самым погубив свои шансы как на социальную справедливость, так и социальное равенство, как пророчески замечает В. Беньямин [6, с.155]. Спрос и производство диктуются властью, т.е. самим человеком, происходит нивелирование вкуса. Приравнивание себя с героями рекламы или кино становится критерием общественного признания. Будучи онтологической эманацией власти, работающий человек, принимает эту логику, поскольку «государство превратилось в инстанцию, заботящуюся о населении, и, более того, медленно, но неуклонно стало двигаться от «ограниченного доступа», присущего естественным государствам, к «доступу открытому» — возможности полноценного и гарантированного участия в экономической и политической жизни. Этим биополитика утверждает свой социальный устрой, свою правоту, свою онтологическую сущность.

Как справедливо замечают Якеев А.В. и Попов Д.В., нельзя не согласиться с выводами М. Фуко, считавшим, что между «работающим че-

²² Это касается как маршировки в строю в нацистской Германии или в Советском Союзе, так и хождение в театр, или в кино, т.е. такой подход относится к любому месту, где надо соблюсти социальный статус, или ожидать в очереди (не забываем, что в этих заведениях существуют различные классы, места, билеты, тоже подчеркивающие разницу людей по социальной лестнице).

Меттини Э., Вигель Н. Л.
Биовласть, биополитика, биоэтика:
Государственный интерес (Raison d'État)
и интересы человека в философии М. Фуко

ловеком» (*homo laborans*)²³ и «трудящимся животным» (*animal laborans*)), т.е. между человеком тоталитарного общества, и современным гедонистом — потребителем либерально-демократического общества — нет принципиальной разницы. И тот и другой представляют собой две стороны одного и того же явления, так что «капиталистический потребительский рай и тоталитарный концлагерь — два лика биополитики “человеческий” и “нечеловеческий” [13]. Таким образом, «выгодоприобретателем становился каждый, кто по факту своего рождения (*natio*) являлся частью нации с правами гражданина». Если раскрыть данный аспект биополитики, можно заметить, что проявление гражданственности становится утилитарным процессом, основанным на логике *do ut des* и *do ut facias* («я даю с тем, чтобы и ты дал или чтобы ты [для меня что-нибудь] сделал»).

В области биополитики мобилизирующая и направляющая функции гражданственности²⁴ сводятся к определенным целям, соответствующим определенным, частным интересам, приносящим мнимые блага населению ради предотвращения бунта. Нужно заметить, что государственный интерес биополитики принципиально не отличается от государственного интереса биовласти, он лишь более разнообразен, глубок, всеохватывающий, настроен на контроль большего количества людей с помощью средств массовой информации и массового распространения знаний. Биополитика — это глобальный процесс, она тоталитарна, и тоталитарность еще ярче выражается в условиях современного пост-идеологического общества, являющегося буревестником метамодерна.

²³ Над темой о превращении человека в «рабочее существо» размышляли М. Хайдеггер (см. М. Хайдеггер, *Бытие и время*. М.: 1. Хайдеггер М. *Время и бытие: Статьи и выступления*. Пер. с нем. М.: Республика, 1993. 447 с. (глава «Преодоление метафизики», С. 177–192) и Х. Арендт (см.: Х. Арендт *Vita Activa, или О деятельной жизни*. Пер. с нем. и англ. В.В. Библихина; Под ред. Д. М. Носова. СПб.: Алетейя, 2000. 407 с.

²⁴ Мобилизирующая функция гражданственности — это форма активного отношения людей к происходящему вокруг них способствует созданию и развитию гражданского общества, а направляющая форма гражданственности.

Говоря языком М. Фуко и П. Бурдьё, мы можем заключить, что в модернистской и постмодернистской эпохе биополитика, делая ставку на нигилистические черты человеческой личности и на массивификацию его личности, превращает человека в социального агента (т.е. в лицо, исполняющее некоторые функции, отражающие идеологические направления общества), создает систему диспозиций, порождающих и структурирующих практику агента и его представления, что способствует спонтанному и адекватному ориентированию агентом в социальном пространстве. Биовласть модерна и постмодерна защищает людей за счет добровольного исключения и их отказа от самих себя, поэтому новый субъект социальной жизни — это не личность, т.е. духовная сущность человека, а сущность его с позиций биополитической онтологии.

Эти черты биополитики модернизма и постмодернизма находят еще более яркое выражение в так называемом «метамодерне», внутри которого человек обладает качествами, способствующими его выбору в качестве «свободной» личности, которые, все-таки углубляют атомизацию общества и самой личности человека²⁵. На наш взгляд, в метамодернистском обществе нигилистические черты модерна и массовые явления постмодерна видоизменились, создавая новый вид биополитики, которую можно считать опасней, чем предыдущая, и выражая себя в пост-идеологии. Как подчеркивает Гаршин Н.А., пост-идеология проявляет себя «в качестве более подвижного и гибкого регулятора социальных и культурных феноменов, настроения и ценностей граждан государства» [10, с.142], что влечет за собой генерирование новых идей, ценностей и т.д. Как справедливо отмечает С. Жижек, «сегодня общество провозглашает себя в качестве (духовного) гегемона» [58], и настоящая политика указывает на исчезновение индивидуума, который должен «пожертвовать собой ради высшего блага, не жалея об этом» [43, с.131]. Современные интернетовские пространства, цифро-

²⁵ Под метамодернистскими качествами и компетенциями можно подразумевать: асертивность, самоактуализацию вкупе с самоопределением, осцилляцию, конструктивное мышление.

Меттини Э., Вигель Н. Л.
Биовласть, биополитика, биоэтика:
Государственный интерес (Raison d'État)
и интересы человека в философии М. Фуко

визация и геймизация все больше играют на руку биополитике. Благодаря им, биополитика сохраняет физическую жизнь морально и социальными «годными» (развитие телемедицины, дистанционное обучение по заказу, контент различных платформ) и дублирует ее на виртуальном уровне (игры с открытым насилием, сексом, быстрым зарабатыванием денег), которые разряжают потенциально опасные ситуации. В современном обществе биополитика работает эффективно в силу того, что она делает ставку на сферу услуг, смоделированную по запросам потребителей с использованием искусственного интеллекта и применения кибернетики. Создавая виртуальные «списки желаний», предоставляя скидки, поблажки, карты покупателей, биополитика усыпляет и утихомиривает импульсивные желания населения, обучает тому, как покупать, что покупать и т.д. Реалити-шоу предоставляют возможность быть успешным без образования, без настоящего желания стать индивидуальностью, а просто знаменитостью²⁶. Бунт уже не нужен. Эйфория быстро достигаемого успеха, развлечения, зона комфорта, возможность выбрать все, что хочется, представляют собой «лейкоциты», используемые биополитикой, чтобы защищать себя от инакомыслия, критики, разложения социального тела. Табуирование неприятных и неприемлемых понятий, которые сама биополитика поддерживает в своих целях (смерть, болезнь и т.д.), их замена звездочками, знаками и т.д. тоже усиливает государственный интерес, своеобразную «философию жизни», способствующую добровольному пожертвованию тем, что реально нужно человеку. Если утрировать, биополитика пост-идеологической эпохи есть антиутопия наяву, тоталитаризм лозунгов, подбор правильных выражений (крылатые выражения в кино и рекламе — наглядный этому пример), замена демократии голосованием за этого или другого участника телепередач. В этом скрывается индоктринация современного биополитического общества как социального института человечества независи-

²⁶ Х. Уорхол сказал, что телевидение сделает всех нас знаменитыми на 15 минут.

мо от либерально-демократического или тоталитарного толка в политике. Биополитика становится самим обществом.

Мы постарались разъяснить суть биовласти и биополитики, их истоки, видоизменения и перевоплощения. В результате можно считать, что оба эти процесса свершили расколдовывание мира на двух пластах. На онтологическом пласте биовласть и биополитика заменили Бога или, по крайней мере, стали Его последними наместниками. Биовласть и биополитика лишали человека возможности уходить в запрещенный биополитикой и биовластью мир фантазий и мифа, заменив его мифологией «человека Проведения Божьего» (Дуче, Фюрер, Вождь). На социальном плане биовласть и биополитика поставили себе цель создать условия изобилия и достатка, заставляя людей верить в то, что отказ от собственных желаний в пользу общественных принесет всем выгоду (опять-таки перенос Рая на земле, достижение блаженства здесь и сейчас, не дожидаясь Страшного суда). В отличие от В.П. Макаренко [20], можно полагать, что государственный интерес не является предпосылкой биополитики, а ее прямым последствием, результатом тщательной стратегии разочеловечивания, превращения социального тела в механизм, в нечто повторяемое, уничтожаемое и «перерабатываемое», поскольку «<...>анализ биополитики возможен только тогда, когда понятен общий режим тех правительственных интересов, который можно назвать вопросом об истине, прежде всего об экономической истине изнутри правительственных интересов» [35, с.38]. Государственный интерес выступает функционалом биополитической онтологии (если говорить языком биологии, можно считать первый фенотипом, а второй генотипом формы правления общества), что в рамках моральной и общественной ситуативности метамодерна имеет последствием расколдовывание мира и, прежде всего, эпистемической фрагментации. Под ней можно подразумевать одну из главных составляющих постмодернистского и постмодернистского общества, обобщаемую под ка-

Меттини Э., Вигель Н. Л.
Биовласть, биополитика, биоэтика:
Государственный интерес (Raison d'État)
и интересы человека в философии М. Фуко

тегорию «постистина» (постправда)²⁷. По своей сути постправда представляет собой специально конструируемый информационный поток с помощью современных СМИ для «создания виртуально, отличной от действительности, реальности с целью манипулирования общественным сознанием» [18, с.11]. Постправда оперирует более эмоциональной сферой чем рациональной, что имеет последствием недоверие в отношении таких институтов, как ВУЗы, СМИ, которые традиционно должны создавать, оценивать и распространять знания.

Это не значит, что постправда отрицает существование универсальной правды, а расколотит ее в множество индивидуальных правд, являющихся часто необоснованными, о чем свидетельствуют псевдонаучные или специально сфабрикованные страницы в соцсетях и других платформах Интернета. Нам кажется целесообразным сравнивать постправду с используемыми Х. Арендт терминами «намеренная ложь» [44, с.6] и «дефактуализация» [44, с.7]. Х. Арендт была встревожена тем, что и в свободных странах допускается существование нежелательных фактов, которые часто сознательно или бессознательно превращаются в мнения, как если бы такие факты²⁸ были не задокументированными историческими фактами, а мнениями. Х. Арендт не поддерживала позиции Ф. Ницше, что «фактов не существует, есть только интерпретации»²⁹. По мнению Х. Арендт, интерпретации не должны служить

²⁷ Введением этого понятия мы обязаны Лиотару (см.: Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / Пер. с фр. Н.А. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998. 160 с. Под этим термином подразумеваются те обстоятельства, при которых объективные факты являются менее значимыми при формировании общественного мнения, чем обращения к эмоциям и субъективным убеждениям (см: Фефелов А.Ф. Лексико-семантическое поле post-truth в англоязычном общественно-политическом дискурсе // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. Т. 21, № 2. С. 120–136. DOI 10.25205/1818-7935-2023-21-2-120-136 3).

²⁸ Такими событиями можно считать поддержку Германии Гитлеру или капитуляцию Франции перед немецкой армией в 1940 году или политику Ватикана во время Второй мировой войны.

²⁹ См. "The portable Nietzsche" by Walter Kaufmann. Viking press, NY, 1954. 692 p. Здесь страница 458: "<...> there are only the facts'. I would say no, there really are no facts, but only

аргументом против существования фактов, и, тем более, оправданием для размазывания границ между фактом и интерпретацией или поводом манипулировать фактами по своему усмотрению. Намеренная ложь является отличительной чертой фактической истины, а дефактуализация вовлечет за собой самообман. Как замечает Х. Арендт, то, что «<...> объединяет этих решателей проблем с приземленными лжецами, так это попытка избавиться от фактов и уверенность в том, что это возможно в силу присущей фактам случайности» [44, с.12]. Обман и даже самообман теряют смысл в дефактуализированном мире, поскольку и то и другое зависят от сохранения различия между правдой и ложью. В дефактуализированной среде человек «теряет всякую связь не только со своей аудиторией, но и с реальным миром, который все равно его настигнет, потому что он может удалить от него свой разум, но не тело» [44, с.36]. Х. Арендт делает акцент на гиперрациональности постправды³⁰, потому что использование статистических данных, цифр, непонятной, но способной вызвать эмоциональную реакцию у людей информации, представляет собой систему координат, играющую важную роль для той или другой группы населения. При крахе всеобщих эпистемических основ общества и проявление многих эпистемических сфер постправда (намеренная ложь) вычеркивает большие нарративов в пользу многих контрнарративов. Постправда создает среду внутри кото-

interpretations. We cannot ascertain any fact "in itself" <...> (<...> «существуют лишь факты», сказал бы я: нет, именно фактов не существует, а только интерпретации. Мы не можем установить никакого факта «в себе» <...>).

³⁰ В данном контексте интересны размышления Х. Арендт о документах, разработанных комиссией в главе с министром обороны США Р. Макнамары. Х. Арендт обвиняет тех, кто решал проблемы вьетнамской эпохи, в излишней рациональности, в том, что они «обучены переводить все фактическое содержание на язык цифр и процентов» [42, с.18] и не имеют отношения к фактам «данной реальности». В отличие от современных определений постправды, которые подчеркивают опору на эмоции, а не на факты и свидетельства, понятие дефактуализация Арендт определяет гиперрациональность как механизм, стирающий грань между «фактами и фантазиями»: решатели проблем «были действительно в довольно пугающей степени выше „сентиментальности“ и влюблены в „теорию“, мир чистого умственного усилия. Они жаждали найти формулы, предпочтительно выраженные на псевдо-математическом языке...» [42, с.11].

Меттини Э., Вигель Н. Л.
Биовласть, биополитика, биоэтика:
Государственный интерес (Raison d'État)
и интересы человека в философии М. Фуко

рой правдивость высказывания определяется не по общепринятой системе доказательств или пониманию окружающего мира, но по тому, что поддерживает ценности и цели той или иной социальной группы. Контрнарратив становится основой для проявления эпистемологической фрагментации, феномена, имеющего далеко идущие последствия³¹. Эпистемологическая фрагментация представляет собой своеобразное продолжение эпистем, о которых написал М. Фуко в отношении образовательной системы. Каждая из эпистем имеет свой статус и свое право на существование, так что эпистема — новая ипостась старинного и безотказно работающего «разделяй и властвуй», позволяющего эпистемологической фрагментации действовать на двух пластах с парадоксальными последствиями.

Первый пласт совпадает с концепцией М. Фуко о смерти человека, которую можно понимать, как отказ человека быть «мыслящей вещью», и отстаивать телесность, иррациональность, чувствительность [12, с.49], но жесткие формы социального контроля заставляют человека оставаться «мыслящим», «стремится к не-бытию-субъектом» [12, с.46]. Субъект — своеобразный шаблон, заполнен дискурсом, который управляет им и загонит его в сторону «бытие – субъектом» [12, там же], т.е. субъект является результатом насильственных действий дискурсом (эпистемой), на которую переходит забота о субъекте. Человек постмодернистского и метамодернистского времени отказывается от производства самого себя (если говорить как Ф. Ницше), т.е. от высказывания собственных мыслей, не сопротивляется всему тому, что может опять загнать в еще более узкие рамки, потому что у него своя эпистема, свой взгляд на мир, своя самостоятельность. Когда субъект может быть назван, когда дается определение, онтологически субъект потеряет свою свободу и становится объектом властных манипуляций. Настоящего субъекта можно найти лишь за кулисами дискурса, в маргинальности, в том, что не может быть названо, или подвергается критике, остракизму и из-

³¹ С этим вопросом тесно связана проблема популизма и достижения ценностного консенсуса в обществе.

гнанию из «приличного общества»³². Раскол общественного мнения на враждебные лагеря, находящие свое выражение в таких понятиях, как «хейтеры» (ненавистники) и «фолловеры» (сторонники), играет на руку возникновению новых, более глубоких, манипулируемых и контролируемых форм расизма (в фукианском смысле этого понятия). Эти явления предоставляют собой прочную основу перманентному государственному перевороту, проявляющемуся в любом «островке мнений», в каждой эпистеме, в каждом высказывании, таким образом обостряя социальные противоречия, способствующие дальнейшему развитию контроля биополитикой над бытием — субъектом современного общества.

Второй пласт действия эпистемологической фрагментации это — таргетированная реклама (online targeted advertising), т.е. реклама сфокусирована на потребительском поведении человека и обоснована им (т.е. получение рекламы определенного типа товара или услуг после их поиска потребителем в сети Интернет). Исследования, касающиеся таргетированной рекламы, указывают на то, что эпистемическая фрагментация увеличивает уязвимость потребителей к вреду рекламы и одновременно наносит ущерб потреблению информации и препятствует усилиям ввести эффективное регулирование. Несмотря на быстрое развитие таргетированной рекламы, международные рамки регулирования остаются привязанными к традиционным методам рекламы, и нет никаких сдвигов в сторону более современного законодательства, определяющего ракурс действия таргетированной рекламы. Интересно заметить, что персонализация может нанести вред и когда относится к определенной категории потребителей, и когда исключает их из персонализированного контента. Контент, который является действительно плохим, например, реклама, содержащая ложные утверждения о продукте или использующая расистские стереотипы для продвижения товара, вреден, если он включен в число тех, что видит потребитель (абсолютный вред включения). С другой стороны, если часть контента

³² См. М. Фуко Герменевтика субъекта: Курс лекций, прочитанных в Коллеже де Франс в 1981–1982 учебном году/ М Фуко: Пер. с фр. А.Г. Погоняйло. СПб: Наука, 2007. 677 с.

Меттини Э., Вигель Н. Л.
Биовласть, биополитика, биоэтика:
Государственный интерес (Raison d'État)
и интересы человека в философии М. Фуко

действительно хороша или даже жизненно необходима, например, важное объявление о здравоохранении, человеку может быть вредно не видеть ее (абсолютный вред исключения) [53].

А если так, то имеет ли смысл говорить о биоэтике? Существует ли она? Предусмотрена ли она в рамках биовласти и биополитики? Пост-идеологическое и постковидное общество в рамках метамодерна представляет собой очень интересный пласт для определения траекторий развития биоэтики. А стоит ли сегодня говорить о «биоэтике»? Существуют ли четкие критерии, разграничивающие то, *чем* биоэтика является и чем она *не* является? Сложно ответить. Нам кажется, что на сегодняшний день, под «биоэтикой» можно подразумевать что-то, что отошло от русла её «классических» определений. На наш взгляд, биоэтика потеряла ту нейтральность и независимость, гарантированные биоэтике таким документом, как «Всеобщая декларация о биоэтике и правах человека»[8], главными китами которого мы можем считать следующие принципы: «медицинское вмешательство осуществляется только с согласия человека»; «интересы человека главенствуют над интересами науки и общества»; «коллективное соглашение общества, или согласие лидера общества, или органа власти не подменяет согласие отдельного человека». Массовая вакцинация, изобретение новых лекарств и других средств, сокращающее количество смертей определенных групп населения не только способствуют улучшению уровня жизни людей, а, одновременно, обеспечивают введение системы страхования, мер безопасности и т.д., гарантируемых способов охраны здоровья, а также более тесный контроль над ним.

Опираясь на данные предположения, можно считать, что в рамках современного понимания биоэтики отлично работают предложенные М. Фуко стили правления, тесно связанные с понятиями «инклюзия» и «эксклюзия». Эта напряженность между включением и исключением пронизывает современное общество, в котором жизнь становится не только индивидуальным, но и общим объектом власти. Здесь важно отметить, что биополитика как концепт определяет новую форму правления,

где индивидуальная жизнь становится под контролем и используется в интересах государства. В этом контексте биоэтика оказывается под угрозой. Если считать, что в многих странах играют большую роль фармацевтические компании, нетрудно понять, что биоэтические директивы приняты на основании решения биовластью и биополитикой, определяющие кто самый способен к дальнейшему выполнению государственных интересов, фармацевтических компаний и бюрократических структур. Эти интересы постепенно подменяют классическую этическую позицию, основанную на уважении к жизни и достоинству человека.

Биовласть, биополитика и биоэтика представляют собой важные аспекты рассматриваемого нами современного общества, однако они не всегда учитывают всю сложность человеческой жизни. Необходимо создание новых подходов к биоэтике, которые включают как биологические, так и духовные аспекты существования человека. Только тогда возможно смещение акцентов от контроля к гуманизации общественных процессов и восстановлению ценности человеческой жизни как высшей цели, что, в свою очередь, может способствовать переосмыслению векторов развития общества, где индивидуальная личность будет играть центральную роль и не будет простой функцией биополитических механизмов.

Важный шаг к созданию нового диалога между обществом и личностью заключен в признании права на индивидуальное существование и саморазвитие, где действуют принципы взаимного уважения и поддержки. Мы считаем, что, если применить к человеку интегральный подход, учитывающий как физиологические, так и духовные составляющие человеческой жизни, обеспечивающие диалогичные и коммуникативные отношения между обществом и человеком, может появиться новый вид биоэтики, которая сможет преодолеть эту кризисную ситуацию для дальнейшего развития общества, где человек не должен отречься от суверенитета на себя.

Такой подход может способствовать формированию нового мировоззрения, благодаря которому жизнь вновь станет ценностным даром, а не разменной монетой. И это может произойти только тогда, когда выс-

Меттини Э., Вигель Н. Л.
Биовласть, биополитика, биоэтика:
Государственный интерес (Raison d'État)
и интересы человека в философии М. Фуко

шая, рациональная, составляющая, находящаяся в человеке, является преобладающей. В ракурсе философии М. Фуко это означает, что человек будет стараться реализовывать собственные интересы, не поддаваясь сублимации своих инстинктов в виде аддитивных форм поведения (лудомания, эротизация жизни и другие) для того, чтобы стать личностью, а не просто маской, надетой для того, чтобы совершить бесчеловечные ритуалы современного общества, жертвующих людьми на алтаре предполагаемого прогресса и развития самого общества.

Нам кажется целесообразным подчеркнуть то, что необходимо создать новую воспитательную концепцию (и под этим мы подразумеваем как формальное воспитание, так и духовное воспитание), благодаря которой человек может высвободиться от вопиющих противоречий доминирующего дискурса, частично обоснованного и обусловленного гедонистическим подходом к жизни, и мотивациями деструктивного рода, низводящим человека до манипулируемого механизма.

Префикс «био» может приобрести вновь свой онтологический смысл, когда отменит дисциплинированное пространство, и предоставит человеку возможность ошибаться, верить в будущее, которое не предопределено модой дня, а программой личностного развития. Это последнее должно идти пробами и ошибками, отклонением от линейного развития, если очевидно это может привести к эволюционному тупику, к которому современный мир сознательно идет на наш взгляд. Инструментальный разум Великого инквизитора Ф.М. Достоевского, владельца крупной компании, хитрого политика облегчает жизнь, но лишают ее мужественной свободы, настоящей заботы о себе и других, и, наконец, того сумасшествия, способного смотреть за плоскостью явления в жуткую глубину настоящего «бытия».

Список литературы

1. Агамбен Дж. Homo sacer. Суверенная (био)власть и голая жизнь. М.: Европа, 2011. 251 с.
2. Агамбен Дж. Средства без цели: Заметки о политике. М.: Гилея, 2015. 147 с.
3. Аласания К.Ю. «Биополитика: интерпретации и смыслы в современном социально-политическом знании // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2020. №1 (62). С. 60–66. DOI: 10.21672/1818-510x-2020-62-1-060-066.
4. Алигьери Д. Монархия / Пер. с итал. В.П. Зубова; Комментарии И.Н. Голенищева-Кутузова. Монархия. М.: КАНОН пресс-Ц, Кучково поле, 1999. 138 с.
5. Арон Р. Демократия и тоталитаризм. М.: Текст, 1993. 304 с.
6. Беньямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости. Избранные эссе. М.: Медиум, 1996. 239 с.
7. Блок М. Короли – чудотворцы. Очерк представлений о сверхъестественном характере королевской власти, распространенных преимущественно во Франции и в Англии. Пер. с фр. В. А. Мильчиной. Предисл. Ж. Ле Гоффа. Науч. ред. и послесл. А. Я. Гуревича. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. 712 с.
8. Всеобщая декларация о биоэтике и правах человека принята резолюцией Генеральной конференции ЮНЕСКО по докладу Комиссии III на 18-м пленарном заседании 19 октября 2005 года [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/bioethics_and_hr.shtml (Дата обращения: 15.07.2024).
9. Вишневский Ю.Р., Вишневский С.Ю. Идеи М. Фуко об образовании как социальном институте // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2015. №2 (35). С. 25–32.
10. Гаршин Н.А. К вопросу об онтологическом статусе феномена постидеологии // МНИЖ. 2017. №3-1(57). С. 140–142.
11. Гоббс Т. Левиафан, или материя, форма и власть государства церковного и гражданского. СПб.: Азбука–Аттикус, 2020. 704 С.
12. Дьяков А.В. Мишель Фуко: о «смерти человека», о свободе и о «конце философии». // Вестник истории и философии КГУ. Серия «Философия». 2008. № 2. С. 45–53.
13. Жижек С. (2002) Добро пожаловать в пустыню Реального! М.: Фонд «Прагматика культуры». 160 с.
14. Канетти Э. Масса и власть. М.: АСТ, 2023. 340 с.

Меттини Э., Вигель Н. Л.
Биовласть, биополитика, биоэтика:
Государственный интерес (Raison d'État)
и интересы человека в философии М. Фуко

15. Канторович Э.Х. Два тела короля. Исследование по средневековой политической теологии / Пер. с англ. А.Ю. Серегинной; под ред. М.А. Бойцова. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2014. 744 с.
16. Комарофф Д. По ту сторону голой жизни: СПИД, (био)политика и неолиберальный порядок // Логос. 2021. № 1. С.3–34.
17. Костогрызов П.И. Децизионизм в России: дореволюционные предшественники и современные интерпретаторы Карла Шмитта. Часть I // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2021. № 1 (42). С. 62–76. DOI: 10.24412/1817-9568-2021-1-62-76.
18. Ильченко С.И. Как нас обманывают СМИ. Манипуляция информацией. СПб: Питер, 2019. 319.
19. Лем С. Сумма технологии. М.: Издательство АСТ, 2022. 800 с.
20. Макаренко В.П. Государственный интерес и поручный круг полиции: модель Мишеля Фуко. // Политическая концептиология. 2023. №2. С. 6–14.
21. Менджеричкая Е.О. Термин дискурса в современной зарубежной лингвистике // Лингвокогнитивные проблемы межкультурной коммуникации. М., 1997. С. 130–133
22. Меттини Э. Понятия «тело» и «телесность» в Средневековье и Возрождении / Э. Меттини // Социология медицины. 2023. Т. 22, № 1. С. 41–49. DOI: 10.17816/socm100781. EDN HTZGSN.
23. Меттини Э., Вигель Н.Л. Понятия «тело» и телесность» в теофилософском видении Д. Алигьери в «монархии» // Гуманитарные и социальные науки. 2024. Т. 102, № 1. С. 23–32. DOI 10.18522/2070-1403-2024-102-1-23-32. EDN AIFSGS.
24. Попов Д.В. Управление жизнью: философско-антропологические основания, потенциал и перспективы биополитики: Дис...докт. Соц. наук / Попов Дмитрий Владимирович. Омск, 2020. 388 с.
25. Соболяникова Е.Н., Сегалерба Дж. Философия Платона и «забота о себе» в философии М. Фуко // Погружение в глубины человеческой природы. Сборник научных работ разных лет (2021–2023) / отв. ред. Меттини Э. Москва: Изд. РНИМУ им. Н.И. Пирогова, 2024. С.94–99.
26. Тощенко Ж.Т. Парадоксальный человек: монография / Ж.Т. Тощенко. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2008. 543 с.
27. Фуко М. Безопасность, территории, население. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977-1978 учебном году. Пер. с фр. В.Ю. Быстрова, Н.В. Суслова, А.В. Шестакова. СПб.: Наука, 2011. 544 с.

28. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. Пер. с франц. М.: Касталь, 1996. 448 с.
29. Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. М.: Практикс, 2002. 384 с.
30. Фуко М. История сексуальности—III. Забота о себе [Текст] / М. Фуко; пер.с фр. Т.Н. Титовой и О.И. Хомы. Киев; М.: Дух и Литера, 1998. 282 с.
31. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Издательство «Ad Marginem», Москва, 1999. 500 с.
32. Фуко М. Нужно защищать общество: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1975–1976 учебном году. СПб.: Наука, 2005. 311 с.
33. Фуко М. Правительственность (идея государственного интереса и его генезис) // Логос. 2003. Т. 39. № 4–5.
34. Фуко М. Психиатрическая власть: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1973–1974 учебном году / М. Фуко; Пер. с фр. А. В. Шестакова. СПб.: Наука, 2007. 450 с.
35. Фуко М. (2010) Рождение биополитики: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978–1979 учебном году. СПб.: Наука. 2010. 448 с.
36. Фуко М. Рождение клиники. М.: Смысл, 1998. 310 с.
37. Хоркхаймер М. Затмение разума. К критике инструментального разума. М.: Канон+. РООИ «Реабилитация», 2011. 224 с.
38. Хоркхаймер М. И Т. Адорно. Диалектика просвещения. М., СПб: «Медиум», «Авена», 1997. 314 с.
39. Шемякина Е.В. Философский анализ понятия «Дисциплина тела» // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2014. №169. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/filosofskiy-analiz-ponyatiya-distsiplina-tela> (Дата обращения: 03.08.2024).
40. Шмитт К. Понятие политического. СПб.: Наука, 2016. 301 с.
41. Энафф М. Маркиз де Сад: Изобретение тела либертена. Пер. с франц. Н.С. Мовниной; отв. ред. Д.Я. Калугин. – СПб: ИЦ «Гуманитарная академия», 2005. 488 с.
42. Яркеев А.В., Попов Д.В. Биополитическая революция: pro et contra // Политика. 2022. №2 (105). С.6–23. DOI: 10.30570/2078-5089-2022-105-2-6-23.
43. Adorno F.P. Biopouvoir, biopolitique et transhumanisme. Mort différée ou mort préservée? // Éthique, politique, religions. 2015, 1, № 6. 175 p.
44. Arendt H. (1972). Crises of the Republic; Lying in Politics, Civil Disobedience On violence, Thoughts on Politics, and Revolution. 240 p.
45. Bentham J., Panopticon. Works, ed. Bowring. t. IV, p. 60-64. См. ил. 17.]

Меттини Э., Вигель Н. Л.
Биовласть, биополитика, биоэтика:
Государственный интерес (Raison d'État)
и интересы человека в философии М. Фуко

46. Berger J. Ways of Seeing. Penguin Books & London & 1972. 181 p.
47. Bourdieu P., Passeron J.-C. Reproduction, éléments pour une théorie du système d'enseignement. Les Editions de Minuit, 1971, 28 p.
48. Elias N. The civilizing process. Sociogenetic and Psychogenetic investigations. Blackwell publishing, Oxford. 2000. 567 p.
49. Esposito R. Bios: Biopolitics and Philosophy. Translated by Timothy Campbell. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2008. 304 p.
50. Foucault M: Dits et Écrits. 1954–1988. III 1976-1979. Editions Gallimard 1994. 836 p.
51. Illich, I. Limits to Medicine: Medical Nemesis, The Expropriation of Health. Middelsex: Penguin Books, 1979. 296 p.
52. Jenkins R. Disenchantment, Enchantment and Re-Enchantment: Max Weber at the Millennium. Max Weber Studies 1 (2000). Pp. 11–32.
53. Milano et alii June 2021. Nature Machine Intelligence 3(6): P. 466–472 DOI:10.1038/s42256-021-00358-3.
54. Petkovic K., Michel Foucault and the Ontology of Politics: E Pluribus Unum? Politička misao, god. 47, br. 3, 2010, str. 176-202.
55. Rousseau [J.-J.], Discours sur l'économie politique [1755], in Œuvres complètes, t. III, Du contrat social. Ecrits politiques, Paris, Gallimard, coll. «Bibliothèque de la Pléiade», 1964, 241 p.
56. Schroeder R. Disenchantment and its Discontents: Weberian Perspectives on Science and Technology', Sociological Review, 1995. 43. Pp. 227–250.
57. Strayer J.R. On the medieval origins of the modern state. Princeton, Oxford: Princeton univ. press, 2005. XXVIII. 114 p.
58. Žizek S. Ideology in a post-ideological era. Notater från föredraget. 2009.

References

1. Agamben Dzh. Homo sacer. Suverennaia (bio)vlast' i golaia zhizn'. M.: Evropa, 2011. 251 s.
2. Agamben Dzh. Sredstva bez tseli: Zametki o politike. M.: Gileia, 2015. 147 s.
3. Alasaniia K.I.U. «Biopolitika: interpretatsii i smysli v sovremennom soTsial'no-politicheskom znanii // Kaspiiskii region: politika, ekonomika, kul'tura. 2020. №1 (62). S. 60–66. DOI: 10.21672/1818-510x-2020-62-1-060-066.

4. Alig'eri D. Monarkhiia / Per. s ital. V.P. Zubova; Kommentarii I.N. Golenishcheva-Kutuzova. Monarkhiia. M.: KANON press-TS, Kuchkovo pole, 1999. 138 s.
5. Aron R. Demokratii i totalitarizm. M.: Tekst, 1993. 304 s.
6. Ben'iamin V. Proizvedenie iskusstva v epokhu ego tekhnicheskoi vosproizvodimosti. Izbrannye esse. M.: Medium, 1996. 239 s.
7. Blok M. Koroli–chudotvortsy. Ocherk predstavlenii o sverkh"estestvennom kharaktere korolevskoi vlasti, rasprostranennykh preimushchestvenno vo Frantsii i v Anglii. Per. s fr. V. A. Mil'chinoi. Predisl. Zh. Le Goffa. Nauch. red. i poslesl. A. I.A. Gurevicha. M.: Shkola «IAzyki russkoi kul'tury», 1998. 712 s.
8. Vseobshchaia deklaratsiia o bioetike i pravakh cheloveka priniata rezoliutsiei General'noi konferentsii IUNESKO po dokladu Komissii III na 18-m plenarnom zasiedanii 19 oktiabria 2005 goda. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/bioethics_and_hr.shtml [Accessed 15th July 2024].
9. Vishnevskii I.U. R., Vishnevskii S. I.U. Idei M. Fuko ob obrazovanii kak sotsial'nom institute // Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2015. №2 (35). S. 25–32.
10. Garshin N.A. K voprosu ob ontologicheskom statuse fenomena postideologii // MNIZh. 2017. №3–1(57). S. 140–142.
11. Gobbs T. Levafan, ili materiia, forma i vlast' gosudarstva tserkovnogo i grazhdanskogo. SPb.: Azbuka–Attikus, 2020. 704 S.
12. D'iakov A.V. Mishel' Fuko: o «smerti cheloveka», o svobode i o «kontse filosofii». // Vestnik istorii i filosofii KGU. Seriia «Filosofiia». 2008. № 2. S. 45–53.
13. Zhizhek S. (2002) Dobro pozhalovat' v pustyniu Real'nogo! M.: Fond «Pragmatika kul'tury». 160 s.
14. Kanetti E. Massa i vlast'. M.: AST, 2023. 340 s.
15. Kantorovich E.Kh. Dva tela korolia. Issledovanie po srednevekovoii politicheskoi teologii / Per. s angl. A.I.U. Sereginoi; pod red. M.A. Boitsova. M.: Izd-vo In-ta Ga'dara, 2014. 744 s.
16. Komaroff D. Po tu storonu goloj zhizni: SPID, (bio)politika i neoliberal'nyi poriadok // Logos. 2021. № 1. S. 3–34.
17. Kostogryzov P.I. Detsizionizm v Rossii: dorevoliutsionnye pedshestvenniki i sovremennye interpretatory Karla Shmitta. Chast' I // Nauchnyi zhurnal «Diskurs-Pi». 2021. № 1(42). S. 62–76. DOI: 10.24412/1817-9568-2021-1-62-76.
18. Il'chenko S.I. Kak nas obmanvaiut SMI. Manipulatsiia informatsiei. SPb: Piter, 2019. 319 s.
19. Lem S. Summa tekhnologii. M.: Izdatel'stvo AST, 2022. 800 s.

Меттини Э., Вигель Н. Л.
Биовласть, биополитика, биоэтика:
Государственный интерес (Raison d'État)
и интересы человека в философии М. Фуко

20. Makarenko V.P. Gosudarstvennyĭ interes i poruchnyĭ krug poliſitsii: model' Mishelĭa Fuko. // Politicheskaĭa kontseptiologiĭa. 2023. №2. S. 6–14.
21. Mendzheritskaĭa E.O. Termin diskursa v sovremennoĭ zarubezhnoĭ lingvistike // Lingvokognitivnye problemy mezhkul'turnoĭ kommunikatsii. M.: 1997. S. 130–133.
22. Mettini Ė. Poniatiĭa «telo» i «telesnost'» v Srednevekov'e i Vozrozhdenii / Ė. Mettini // Sotsiologiĭa meditsiny. 2023. T. 22, № 1. S. 41–49. DOI 10.17816/socm100781. EDN HTZGSN.
23. Mettini, Ė., Vigel' N.L. Poniatiĭa «telo» i telesnost'» v teofilosofskom videnii D. Alig'eri v «monarkhii» // Gumanitarnye i soſsial'nye nauki. 2024. T. 102, № 1. S. 23–32. DOI 10.18522/2070-1403-2024-102-1-23-32. EDN AIFSGS.
24. Popov D.V. Upravlenie zhizniŭ: filosofsko-antropologicheskie osnovaniĭa, potentsial i perspektivy biopolitiki: Dis...dokt. Sofs. nauk / Popov Dmitriĭ Vladimirovich. Omsk, 2020. 388 s.
25. Sobol'nikova E.N., Segal'erba Dzh. Filosofĭa Platona i «zabota o sebe» v filosofii m. Fuko // Pogruzhenie v glubiny chelovecheskoĭ prirody. Sbornik nauchnykh rabot raznykh let (2021–2023) / otv. red. Mettini Ė. Moskva: Izd. RNIMU im. N.I. Pirogova, 2024. S. 94–99.
26. Toshchenko Zh.T. Paradoksal'nyĭ chelovek: monografiĭa/ Zh.T. Toshchenko. 2-e izd., pererab. i dop. M.: ĪUNITI-DANA, 2008. 543 s.
27. Fuko M. Bezopasnost', territorii, naselenie. Kurs lektsiĭ, pročitannykh v Kollezh de Frans v 1977–1978 uchebnom godu. Per. s fr. V.Ī. Bystrova, N.V. Suslova, A.V. Shestakova. SPb.: Nauka, 2011. 544 s.
28. Fuko M. Volĭa k istine: po tu storonu znaniĭa, vlasti i seksual'nosti. Raboty raznykh let. Per. s frants. M.: Kastal', 1996. 448 s.
29. Fuko M. Intellektualy i vlast': Izbrannye politicheskie stat'i, vystupleniĭa i intervĭu M.: Praksis, 2002. 384 s.
30. Fuko, M. Istorĭia seksual'nosti–III. Zabota o sebe [Tekst] / M. Fuko; per.s fr. T.N. Titovoĭ i O.I. Khomy. Kiev; M.: Dukh i Litera, 1998. 282 s.
31. Fuko M Nadzirat' i nakazyvat'. Rozhdenie tĭur'my. – M.: Izdatel'stvo «Ad Marginem», Moskva, 1999. 500 s.
32. Fuko M. Nuzhno zashchishchat' obshchestvo: Kurs lektsiĭ, pročitannykh v Kollezh de Frans v 1975–1976 uchebnom godu. SPb.: Nauka, 2005. 311 s.
33. Fuko M. Pravitel'stvennost' (ideĭa gosudarstvennogo interesa Logos. 2003. T. 39. № 4–5.

34. Fuko M. Psikhiatricheskaia vlast': Kurs lektsii, pročitannykh v Kollezh de Frans v 1973–1974 uchebnom godu / M. Fuko; Per. s fr. A.V. Shestakova. SPb.: Nauka, 2007. 450 s.
35. Fuko M. (2010) Rozhdenie biopolitiki: Kurs lektsii, pročitannykh v Kollezh de Frans v 1978–1979 uchebnom godu. SPb.: Nauka.
36. Fuko M. Rozhdenie kliniki. M.: Smysl, 1998. 310 s.
37. Khorkkhaïmer M. Zatmenie razuma. K kritike instrumental'nogo razuma. M.: Kanon. ROOI «Reabilitatsiia», 2011. 224 s.
38. Khorkkhaïmer M. I T. Adorno. Dialektika prosveshcheniia. M., SPb: «Medium», «Avena», 1997. 314 s.
39. Shemiakina E.V. Filosofskii analiz poniatiia «Distiplina tela» // Izvestiia RGPU im. A.I. Gerfseña. 2014. №169. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/filosofskiy-analiz-ponyatiya-distiplina-tela> [Accessed 3rd August 2024].
40. Shmitt K. Poniatie politicheskogo. SPb.: Nauka, 2016. 301 s.
41. Énaff M. Markiz de Sad: Izobretenie tela libertena. Per. s frants. N.S. Movninoï; otv. red. D.ĬA. Kalugin. SPb: IŤS «Gumanitarnaia akademiia», 2005. 488 s.
42. ĬArkeev A.V., Popov D.V. Biopoliticheskaia revoliutsiia: pro et contra // Politia. 2022. №2 (105). S.6–23. DOI: 10.30570/2078-5089-2022-105-2-6-23.
43. Adorno F.P. Biopouvoir, biopolitique et transhumanisme. Mort différée ou mort préservée? //Éthique, politique, religions. 2015, 1, № 6. 175 p.
44. Arendt H. (1972). Crises of the Republic; Lying in Politics, Civil Disobedience On violence, Thoughts on Politics, and Revolution. 240 p.
45. Bentham J., Panopticon. Works, ed. Bowring. t. IV, pp. 60–64. См. ил. 17.]
46. Berger J. Ways of Seeing. Penguin Books& London& 1972. 181 p.
47. Bourdieu P., Passeron J.-C. Reproduction, éléments pour une théorie du système d'enseignement. Les Editions de Minuit, 1971, 28 p.
48. Elias N. The civilizing process. Sociogenetic and Psychogenetic investigations. Blackwell publishing, Oxford. 2000. 567 p.
49. Esposito R. Bios: Biopolitics and Philosophy. Translated by Timothy Campbell. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2008. 304 p.
50. Foucault M: Dits et Écrits. 1954-1988. III 1976-1979. Editions Gallimard, 1994. 836 p.
51. Illich, I. Limits to Medicine: Medical Nemesis, The Expropriation of Health. Middelsex: Penguin Books, 1979. 296 p.
52. Jenkins R. Disenchantment, Enchantment and Re-Enchantment: Max Weber at the Millennium. Max Weber Studies 1 (2000). Pp. 11–32.

Меттини Э., Вигель Н. Л.
Биовласть, биополитика, биоэтика:
Государственный интерес (Raison d'État)
и интересы человека в философии М. Фуко

53. Milano et alii June 2021. Nature Machine Intelligence 3(6): 466–472
DOI:10.1038/s42256-021-00358-3.
54. Petkovic K., Michel Foucault and the Ontology of Politics: E Pluribus Unum?
Politička misao, god. 47, br. 3, 2010, str. 176–202.
55. Rousseau [J.-J.], Discours sur l'économie politique [1755], in Œuvres complètes, t. III, Du contrat social. Ecrits politiques, Paris, Gallimard, coll. «Bibliothèque de la Pléiade», 1964, 241 p.).
56. Schroeder R. Disenchantment and its Discontents: Weberian Perspectives on Science and Technology', Sociological Review, 1995. 43. Pp. 227–250.
57. Strayer J.R. On the medieval origins of the modern state. Princeton, Oxford: Princeton univ. press, 2005. XXVIII. 114 p.
58. Žizek S. Ideology in a post-ideological era. Notater från föredraget. 2009.